Тайная лавка ядов

Автор:
Сара Пеннер

Тайная лавка ядов

Сара Пеннер

Novel. Мировые хиты

1. Роман «Тайная лавка ядов» был переведен на 23 языка и признан самым громким дебютом 2021 года.

Сара Пеннер сплела историю трех героинь и двух эпох в единый рассказ о ядах, мести и тайном объединении женщин, поддерживающих друг друга во враждебном к ним мире.

2. Захватывающая, интригующая история, пропитанная духом старых-добрых английских романов: с узкими лондонскими улочками, зваными ужинами, хозяевами, слугами, тайнами, секретами и скелетами в шкафах никого не оставит равнодушным.

3. «Тайная лавка ядов» – роман о сестринстве, выстраивании границ и о том, как одна женщина может спасти другую, несмотря на то, что их разделяют два столетия.

4. Динамичный, феминистский роман придется по вкусу фанатам сериала «Почему женщины убивают»

5. Каждый читатель получает дополнительные материалы для полного погружения в атмосферу романа: аудиокнигу, статью и обои для скачивания.

6. Fox купил права на съемки сериала по книге!

Бестселлер The New York Times, книга месяца клуба Опры Уинфри.

История женщины, жившей в XVIII веке, удивительным образом перекликается с судьбой нашей современницы.

1791 год. Холодный февральский вечер. Задворки маленького лондонского переулка. Нелла в своей аптекарской лавке ожидает новую заказчицу. Когда-то Нелла была целительницей, а теперь использует свои знания, чтобы помочь отчаявшимся женщинам освободиться от мужчин, обошедшихся с ними подло и жестоко.

Но в тот вечер вместо заказчицы у нее на пороге появится двенадцатилетняя Элайза, и это знакомство приведет к неожиданным событиям. Нелла и все женщины, чьи имена она бережно хранит в своем журнале, окажутся в опасности.

Наши дни. Кэролайн Парсуэлл ради семьи пожертвовала многим, а главное – карьерой исследователя. И вот, накануне годовщины свадьбы она узнает о неверности мужа и отправляется в Лондон, чтобы отвлечься и прийти в себя. Кэролайн бесцельно бродит по городу, все глубже уходя в свои переживания. И вдруг неожиданная находка: на берегу Темзы под ее ногами блеснул маленький старинный флакон…

«Фанаты исторических романов счастливы: Лондон XVIII века, тайны, яды, интриги. Высококлассный сюжет!» Анастасия Ханина, главный редактор ReadRate

«Сара Пеннер сплела историю трех героинь и двух эпох в единый рассказ о ядах, мести и тайном объединении женщин, поддерживающих друг друга во враждебном к ним мире». Кейт Куинн, писательница

«Увлекательная история о ядах, зельях и темных делах, совершаемых во имя выживания». Хезэр Уэбб, писательница

Сара Пеннер

Тайная лавка ядов

Sarah Penner

THE LOST APOTHECARY

Copyright © 2021 by Sarah Penner

© Ракитина Е. перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Моим родителям

Клянусь и обещаю перед лицом Господа, творца и создателя всего сущего…

Никогда не учить секретам и таинствам своего ремесла неблагодарных или неразумных…

Никогда не разглашать открытых мне тайн…

Никогда не давать никому яда…

Бежать, как чумы, и отрекаться от постыдных и губительных приемов шарлатанов, знахарей и алхимиков…

Не держать в своей лавке испорченных или дурного качества снадобий.

Пусть Божье благословение будет со мной, пока я соблюдаю эти правила!

Старинная клятва аптекаря

1. Нелла. 3 февраля 1791 года

Она собиралась прийти на рассвете – женщина, чье письмо я держала в руках и чьего имени пока не знала.

Не знала я ни сколько ей лет, ни где она живет. Я не знала, какое положение она занимает в обществе, не знала, какие мрачные сны ей снятся, когда наступает ночь. Она могла быть жертвой или грешницей. Молодой женой или мстительной вдовой. Нянькой или куртизанкой.

Но, сколько бы всего ни было от меня скрыто, одно я понимала: эта женщина точно знает, кого хочет лишить жизни.

Я подняла розоватый листок, освещенный угасающим пламенем единственной свечи с тростниковым фитилем. Провела пальцами по чернилам, складывавшимся в ее слова, попыталась представить, какое отчаяние заставило эту женщину искать кого-то вроде меня. Не просто аптекаря, но убийцу. Искусного притворщика.

Требование ее было простым и прямым. «Для мужа моей госпожи, с завтраком. На рассвете 4 февраля». Мне сразу пришла на ум средних лет служанка, исполняющая волю хозяйки. И отточенное последними двумя десятилетиями чутье тут же подсказало мне самое подходящее для такого случая средство: яйцо, приправленное nux vomica, рвотным орехом.

На приготовление уйдет пара минут; яд был у меня под рукой. Но по причине, мне пока непонятной, что-то в этом письме меня тревожило. Дело было не в тонком древесном запахе пергамента и не в том, как слегка загибался вперед левый нижний уголок, словно его когда-то омочили слезами. Нет, беспокойство поднималось во мне самой. Смутное осознание того, что с чем-то не нужно бы иметь дела.

Но какое неписаное предостережение могло содержаться в одном листе пергамента, покрытом следами пера? Никакого, уверяла я себя; в этом письме нет предзнаменования. Тревожные мысли мне просто навевает усталость – уже поздно – и неотпускающая боль в суставах.

Я занялась своим переплетенным в телячью кожу журналом, который лежал передо мной на столе. Мой бесценный журнал был книгой жизни и смерти, списком множества женщин, получавших снадобья здесь, в мрачнейшей из аптекарских лавок.

На первых страницах журнала чернила были светлыми, их нанесли более легкой рукой, не знавшей горя и неприязни. Те выцветшие, истертые записи сделала моя мать. Аптечная лавка для женщин в третьем доме по Малому переулку принадлежала ей задолго до того, как стала моей.

Временами я читала ее записи – «23 марта 1767 года, миссис Р. Рэнфорд, Тысячелистника трава, 15 др., трижды», – и слова навевали воспоминания о ней: о том, как ложились ей сзади на шею волосы, когда она толкла пестиком стебли тысячелистника, или о натянутой, как бумага, коже ее рук, когда она лущила семена из цветочной головки. Но моя мать не прятала свою лавку за обманной стеной, она не подсыпала свои снадобья в сосуды с темным красным вином. Ей не было нужды скрываться. Настойки, которые она отпускала, были предназначены лишь во благо: успокоить воспаленные, нежные места на теле молодой матери или принести месячные бесплодной жене. Так она заполняла страницы своего журнала самыми благотворными растительными снадобьями. Они ни у кого бы не вызвали подозрений.

Конечно, я на своих страницах тоже писала о крапиве, иссопе и амаранте, но также и о снадобьях более зловещих: белладонне, чемерице и мышьяке. Следы чернил в моем журнале скрывали предательство, муку… и мрачные тайны.

Тайны о полном сил юноше, которого накануне венчания подвело сердце, или о том, как крепкий молодой отец вдруг пал жертвой лихорадки. Мой журнал раскрывал все: дело было не в слабых сердцах и не в лихорадках, вовсе нет, но в соке дурмана и белладонне, добавленных в вино и пироги хитрыми женщинами, чьи имена пятнали мой журнал.

О, если бы только журнал открывал и мою тайну, то, как все это началось! Потому что я отметила на этих страницах всех жертв, кроме одной. Фредерик. Резкие, черные очертания его имени марали только мое угрюмое сердце, мое истерзанное чрево.

Я бережно закрыла журнал, потому что нужды в нем мне сегодня не было, и вернулась к письму. Что меня так встревожило? Я так и не могла отвести взгляд от края пергамента, словно под ним что-то ползало. И чем дольше я сидела за столом, тем сильнее у меня болел живот, тем больше дрожали пальцы. Колокольчики повозки вдали, за стенами моей аптеки, звенели пугающе похоже на цепи на поясе констебля. Но я уверяла себя, что констебли сегодня не придут, как не приходили последние два десятка лет. Моя лавка, как и мои яды, были слишком умно замаскированы. Никто не нашел бы это место; оно было скрыто глубоко за стенкой шкафа в конце извилистого переулка в темных глубинах Лондона.

Я перевела взгляд на покрытую сажей стену, которую мне недоставало ни решимости, ни сил отскрести дочиста. Увидела свое отражение в пустом флаконе на полке. В моих глазах, когда-то ярко-зеленых, как у матери, теперь почти не было жизни. Щеки, когда-то оживленные румянцем, стали желтыми и впалыми. Я выглядела призраком, гораздо старше своего сорока одного года.

Я принялась бережно растирать круглую косточку на левом запястье, распухшую от жара, как камень, забытый в огне. Боль в суставах годами переползала по моему телу; она стала так мучительна, что во время бодрствования не покидала меня ни на час. Каждый яд, который я отпускала, приносил мне новую волну боли; иногда вечерами пальцы так опухали и костенели, что я была уверена – кожа вот-вот лопнет и обнажит то, что под нею.

Так сказались на мне убийства и тайны. Из-за них я начала гнить изнутри, что-то собиралось разорвать меня.

Воздух вдруг сделался затхлым, и под низким потолком моей тайной комнаты заклубился дым. Свеча почти догорела, и вскоре капли лауданума окутают меня тяжелым теплом. Давно наступила ночь, она придет уже через несколько часов – женщина, чье имя я внесу в свой журнал и чью тайну начну распутывать, какая бы тяжесть ни рождалась во мне от этого.

2. Кэролайн. Наши дни, понедельник

Я не должна была оказаться в Лондоне одна.

Праздничные поездки в честь годовщин предназначены для двоих, не для одного, и все-таки, когда я вышла из гостиницы на яркое солнце лондонского лета, пустое место рядом со мной говорило об обратном. Сегодня, в десятую годовщину нашей свадьбы, мы с Джеймсом должны были быть вместе, вместе идти к «Лондонскому глазу», колесу обозрения на берегу Темзы. Мы забронировали ночную поездку в вип-кабинке, с бутылкой игристого и личным официантом. Я неделями представляла себе, как качается под звездами приглушенно освещенная кабинка, как мы смеемся, прерываясь только на звон бокалов и соприкосновение губ.

Но нас с Джеймсом разделял океан. Я была в Лондоне одна: расстроенная, злая и уставшая после перелета, и мне предстояло принять решение, которое должно было изменить мою жизнь.

Вместо того чтобы повернуть на юг, к колесу обозрения и реке, я направилась в противоположную сторону, к собору Святого Павла и Ладгейт-Хилл. Ища глазами ближайший паб, я чувствовала себя до мозга костей туристкой – в серых кроссовках и с большой сумкой через плечо. В ней лежала моя записная книжка, исписанная синими чернилами и сердечками на полях – расписание нашей десятидневной поездки. Я только приехала, но читать нашу программу для двоих и игривые замечания друг другу было невыносимо. «Саутуарк[1 - Southwark (англ.) – один из 32 лондонских районов, расположенный на южном берегу Темзы.], экскурсия по парку для пар», – написала я на одной странице.

«Упражнение по заделыванию детей за деревом», – нацарапал рядом Джеймс. Я собиралась надеть платье, ну, на всякий случай.

Теперь записная книжка была мне не нужна, и я отменила все, что в ней было запланировано. Когда я подумала о том, что еще вскоре придется отменить, у меня защипало в горле от подступивших слез. Наш брак? Мы с Джеймсом были вместе с колледжа; я не знала жизни без него. Я себя без него не знала. И с надеждой на ребенка тоже придется попрощаться? От этой мысли у меня свело живот – мне нужно было куда больше, чем нормально поесть. Я так хотела стать

матерью: целовать крохотные идеальные пальчики ног и дуть в круглый животик своего ребенка.

Пройдя всего квартал, я заприметила вывеску над пабом, «Таверна Олд Флит». Но не успела я войти, как мне махнул стоявший на тротуаре потрепанный мужчина в запачканных брезентовых штанах и с папкой-планшетом. На вид ему было лет пятьдесят с чем-то, он широко улыбнулся и спросил:

– Не хотите попробовать себя в мадларкинге?

«Мадларкинге? – подумала я. – Это какая-то настольная игра или спорт?»

Я вымученно улыбнулась и покачала головой:

– Нет, спасибо.

От него было не так-то легко отвязаться.

– Читали когда-нибудь викторианских авторов? – спросил он; я его едва расслышала из-за сигнала красного туристического автобуса.

Тут я остановилась. Десять лет назад я получила в колледже диплом по британской истории. Оценки у меня были приличные, но меня всегда больше интересовало то, что оставалось за пределами учебников. Сухие, формальные главы просто не интересовали меня – в отличие от заплесневелых старинных альбомов, хранившихся в архивах старых зданий, или оцифрованных выцветших эфемер, театральных программок, данных переписей, списков пассажиров, которые я находила в сети. Я часами могла рассматривать эти на первый взгляд бессмысленные документы, пока мои однокурсники встречались в кофейнях, чтобы заниматься. Я не могла связать свои необычные интересы ни с чем конкретным, просто знала, что обсуждение гражданских революций и жадных до власти мировых лидеров нагоняло на меня зевоту. Для меня очарование истории состояло в мелочах давно ушедшей жизни, в нерассказанных тайнах обычных людей.

– Кое-что читала, да, – сказала я.

Конечно, мне нравились многие классические британские романы, я запоем читала их в школе. Временами я жалела, что не пошла на филологический, казалось, это больше соответствовало бы моим интересам. Чего я не сказала, так это того, что не читала ничего из викторианской литературы – или, если на то пошло, никого из своих прежних английских любимцев – уже много лет. Если бы наш разговор закончился викториной, я бы позорно провалилась.

– Ну, они все рассказали о мадларкерах – об этих бесчисленных душах, рыщущих у реки в поисках чего-то старого и ценного. Можно промочить ноги, но нет лучшего способа погрузиться в прошлое. Прилив, потом отлив – каждый раз на берег выносит что-то новое. Милости просим к нам на экскурсию, если хотите приключений. С новичков денег в первый раз не берем. Мы будем с той стороны вон тех кирпичных зданий, вон там… – показал он. – Ищите спуск к реке. Группа собирается в половине третьего, когда начинается отлив.

Я улыбнулась ему. Несмотря на неряшливую внешность, его ореховые глаза лучились теплом. За его спиной качалась на скрипучей петле деревянная вывеска «Таверна Олд Флит», соблазняя меня зайти.

– Спасибо, – сказала я, – но я как раз иду… на другую встречу.

По правде говоря, мне нужно было выпить.

Он медленно кивнул:

– Хорошо, но, если передумаете, мы будем работать где-то до половины шестого.

– Удачи, – пробормотала я, перевешивая сумку на другое плечо и полагая, что больше никогда не увижу этого человека.

Я зашла в полутемный, сырой паб и угнездилась на высоком кожаном стуле у барной стойки. Наклонившись вперед посмотреть, какое есть разливное пиво, я передернулась, потому что угодила локтями во что-то мокрое – пот или эль, пролившийся до моего прихода. Заказала «Боддингтонс» и нетерпеливо ждала, пока поднимется до края бокала и установится кремовая пена. Наконец сделала большой глоток. Я была слишком вымотана, чтобы обратить внимание на то, что у меня начинает болеть голова, что пиво тепловатое, а в животе слева зреет

спазм.

Викторианцы. Я снова подумала о Чарльзе Диккенсе, имя писателя отозвалось у меня в ушах, словно имя бывшего парня, которого с приязнью позабыл, – интересный чувак, но недостаточно многообещающий, чтобы связываться всерьез. Я многое у него читала – особенно любила «Оливера Твиста» и еще «Большие надежды», но ощутила укол неловкости.

Послушать того мужчину у бара, викторианцы «все рассказали» об этом мадларкинге, а я даже не знала, что означает это слово. Если бы рядом был Джеймс, он бы точно стал надо мной подшучивать из-за этого промаха. Он всегда шутил, что я «пересидела университет в книжном клубе», допоздна зачитываясь готическими сказками, хотя, по его мнению, мне бы стоило побольше анализировать академические журналы и работать над собственным дипломом об исторических и политических волнениях. Только в таких исследованиях, говорил он, и состоит польза от диплома по истории, потому что тогда можно заняться академической работой, писать докторскую и стать профессором.

В каком-то смысле Джеймс был прав. Десять лет назад, после выпуска, я быстро поняла, что мой диплом бакалавра не дает тех же перспектив, что диплом Джеймса по бухгалтерскому учету. Пока тянулись мои бесплодные поиски работы, он легко получил высокооплачиваемую должность в бухгалтерской фирме из Цинциннати, входившей в «большую четверку». Я отправила резюме в несколько местных школ и общественных колледжей, но, как и предсказывал Джеймс, они все предпочли магистров или кандидатов наук.

Я сочла то, что меня отвергли, возможностью продолжить обучение. Вся на нервах, я начала оформлять документы в магистратуру Кембриджа, всего в часе езды к северу от Лондона. Джеймс был неколебимо против этой идеи, и я вскоре поняла почему: всего через пару месяцев после выпуска он отвел меня на дальний конец пирса, выходившего на реку Огайо, опустился на колено и со слезами на глазах попросил стать его женой.

И мне стало все равно, Кембридж мог бы вообще исчезнуть – и Кембридж, и аспирантура, и все романы, которые за всю свою жизнь написал Чарльз Диккенс. С той секунды, когда я, стоя у края пирса, обвила руками шею Джеймса и прошептала «Да!», целеустремленный историк во мне заржавел, и его сменила будущая жена. Я выбросила заявление в магистратуру в мусорное ведро и с

готовностью окунулась в водоворот свадебных приготовлений, занялась шрифтами на приглашениях и оттенками розового для пионов, которые должны были стоять в центре каждого стола. А когда свадьба стала сверкающим у реки воспоминанием, я направила энергию на покупки для нашего первого дома. В итоге мы осели в Идеальном Доме: три спальни, две ванных, местечко в конце тупика, в районе, где много молодых семей.

Семейная жизнь вошла в свою колею, такую же прямую и предсказуемую, как ряды кизила, которые росли вдоль улиц в нашем районе. А когда Джеймс начал обживаться на первой ступеньке корпоративной лестницы, мои родители – которым принадлежала ферма к востоку от Цинциннати – сделали мне заманчивое предложение: оплачиваемая работа на семейной ферме, базовая бухгалтерия и административная работа. Стабильно, безопасно. Никакой неизвестности.

Я несколько дней обдумывала предложение, только на секунду вспомнив о так и стоявших в подвале коробках с десятками книг, которые я обожала в школе. «Нортенгерское аббатство», «Ребекка», «Миссис Дэллоуэй». Что хорошего они мне дали? Джеймс был прав: то, что я зарылась в старинные документы и рассказы о домах с привидениями, не принесло мне ни единого предложения о работе. Напротив, все это стоило мне десятков тысяч долларов студенческих ссуд. Я начала презирать книги, лежавшие в тех коробках, и уверяться в том, что желание учиться в Кембридже было дикой мыслью неустроенной безработной выпускницы колледжа.

К тому же, учитывая надежную работу Джеймса, правильно – зрело – было остаться в Цинциннати с молодым мужем, в нашем новом доме.

Я приняла предложение родителей, Джеймс был очень доволен. А Бронте и Диккенс и все, что я столько лет обожала, остались в коробках, в дальнем углу нашего подвала, которые я так и не распаковала и о которых в итоге забыла.

Сидя в темном пабе, я сделала большой, долгий глоток пива. Чудо, что Джеймс вообще согласился поехать со мной в Лондон. Когда мы обсуждали, куда отправиться на годовщину, он четко обозначил свои предпочтения: пляжный курорт на Виргинских островах, где можно целыми днями дремать рядом с пустым коктейльным бокалом. Но мы уже устроили себе пропитанные дайкири каникулы на прошлое Рождество, и я стала упрашивать Джеймса рассмотреть другие варианты, вроде Англии или Ирландии. С условием, что мы не станем

тратить время ни на что слишком академическое – вроде курса по реставрации книг, о котором я вскользь упомянула, – он в конце концов согласился на Лондон. Он сказал, что уступил, потому что знал, как я когда-то мечтала поехать в Англию.

И эту мечту он всего несколько дней назад поднял в воздух, как хрустальный бокал шампанского, и раздавил в кулаке.

Бармен сделал движение в сторону моей полупустой кружки, но я покачала головой; одной было уже достаточно. Не находя себе места, я вытащила телефон и открыла мессенджер «Фейсбука». Роуз – моя лучшая подруга детства – прислала сообщение: «Ты как? Люблю тебя».

И еще: «Вот фотка малышки Эйнсли. Она тебя тоже любит. <3».

И вот она, новорожденная Эйнсли, завернутая в серый конвертик. Безупречная кроха, три сто, моя крестная дочь, сладко спит на руках у моей любимой подруги. Я порадовалась, что она родилась до того, как я узнала тайну Джеймса; я смогла провести с малышкой уже много славных, спокойных минут. Несмотря на всю свою печаль, я улыбнулась. Если я все потеряю, у меня, по крайней мере, останутся эти двое.

Если судить по соцсетям, то мы с Джеймсом, похоже, были единственными среди наших друзей, кто еще не катал коляски и не целовал испачканные макаронами с сыром щечки. И, хотя ожидание давалось нам непросто, это было верным решением для нас обоих: в бухгалтерской фирме, где работал Джеймс, предполагалось, что служащие должны ужинать с клиентами и развлекать их: иногда так набегало больше восьмидесяти рабочих часов в неделю. Я хотела детей с тех пор, как мы поженились, но Джеймс не хотел разрываться между долгими рабочими днями и заботами молодой семьи. И поэтому он каждый день в течение десяти лет карабкался по корпоративной лестнице, а я клала на кончик языка розовую таблетку и говорила себе: когда-нибудь.

Я посмотрела на дату в телефоне: второе июня. Прошло уже почти четыре месяца с тех пор, как Джеймса повысили и стали готовить в партнеры, это означало, что долгие часы с клиентами остались дня него в прошлом.

Четыре месяца с тех пор, как мы начали пытаться завести ребенка.

Четыре месяца, как настало мое «когда-нибудь».

Но ребенка так и не было.

Я погрызла большой палец и закрыла глаза. Впервые за четыре месяца я была рада тому, что не забеременела. Несколько дней назад наш брак начал разваливаться под давящим весом того, что я узнала: наши отношения больше не ограничивались двоими. К нам вторглась другая женщина. Какой ребенок заслуживает таких сложностей? Никакой – ни мой, ни чей-то еще.

Была только одна проблема: месячные у меня должны были начаться вчера, а пока не было никаких признаков. Я изо всех сил надеялась, что дело в перелете и стрессе.

Я в последний раз посмотрела на новорожденную малышку своей лучшей подруги, чувствуя не столько зависть, сколько тревогу о будущем. Я бы хотела, чтобы мой ребенок был лучшим другом Эйнсли, на всю жизнь, чтобы между ними была связь, как у нас с Роуз. Но после того, как я узнала тайну Джеймса, я не была уверена, что карта брака все еще оставалась у меня на руках, не говоря уже о материнстве.

Впервые за десять лет я задумалась о том, не совершила ли ошибку на том пирсе, сказав Джеймсу «да». А если бы я сказала «нет» или «не сейчас»? Я очень сомневалась, что была бы сейчас в Огайо, проводя дни за нелюбимой работой, пока мой брак опасно кренился над обрывом. Может быть, я бы жила где-нибудь в Лондоне, преподавала и занималась наукой? Может быть, с головой погрузилась бы в сказки, как любил шутить Джеймс, но разве это не было бы лучше, чем тот кошмар, в котором я оказалась?

Я всегда ценила практичность своего мужа и его все просчитывающий ум. Большую часть нашей семейной жизни я считала все это способом, которым Джеймс удерживает меня на земле, в безопасности. Когда я выступала со спонтанной идеей – чем-то, выходящим за рамки обозначенных целей и желаний, – он быстро возвращал меня на землю, обрисовывая риски и оборотную сторону медали. В конце концов, именно эта рациональность помогла ему продвинуться по службе. Но теперь в целом мире от Джеймса я впервые подумала, было ли то, о чем я когда-то мечтала, для него чем-то, кроме бухгалтерской проблемы. Его больше заботили доходы от вложений и

управление рисками, чем мое счастье. И то, что я всегда считала в Джеймсе рассудительностью, теперь впервые показалось мне чем-то другим: удушением и искусной манипуляцией.

Я поерзала на стуле, отклеивая липкие бедра от кожаной обивки, и погасила телефон. Мысли о доме и о том, что могло бы статься, в Лондоне никакой пользы мне не принесут.

К счастью, немногочисленные посетители «Таверны Олд Флит» не видели в тридцатичетырехлетней женщине, сидевший возле барной стойки в одиночестве, ничего побуждающего к действию. Я оценила отсутствие внимания, а «Боддингтонс» начал растекаться по моему ноющему, утомленному путешествием телу. Я крепко обхватила кружку, так что кольцо на левой руке впилось в палец, прижатый к стеклу, и допила пиво.

Выйдя на улицу и размышляя, что делать дальше, – подремать в гостинице казалось заслуженной наградой, – я дошла до места, где меня остановил мужчина в брезентовых штанах; это он приглашал меня попробовать свои силы в… как это, мадлукинге? Нет, мадларкинге. Он сказал, что группа собирается чуть дальше, у подножья лестницы, в половине третьего. Я вытащила телефон и посмотрела, сколько времени: оказалось, 2:35. Я ускорила шаг, внезапно почувствовав себя моложе. Десять лет назад меня привлекло бы именно такое приключение: пойти за эдаким старым британцем к Темзе, чтобы узнать о викторианцах и мадларкинге. Без сомнения, Джеймс был бы против такого спонтанного приключения, но его не было рядом, чтобы меня остановить.

А одна я могла делать все, что мне заблагорассудится.

По дороге я прошла мимо La Grande – наше пребывание в пафосном отеле оплатили мои родители, подарок в честь годовщины, – но я даже не взглянула на него. Я дошла до реки, сразу увидела бетонные ступеньки, спускавшиеся к воде. Грязный мутный поток на глубине бурлил, словно под ним билось что-то растревоженное. Я шагнула вперед, а пешеходы вокруг меня двинулись более предсказуемыми дорогами.

Ступеньки оказались круче и в куда худшем состоянии, чем я ожидала в центре такого современного города. Глубиной минимум в полметра и сделаны из битого камня, вроде древнего цемента. Я спускалась медленно, радуясь, что на мне

кроссовки и сумка у меня удобная. У подножия лестницы я помедлила, заметив, какая вокруг тишина. За рекой, на южном берегу, мчались машины и пешеходы, но издали я ничего этого не слышала. Я слышала только мягкий плеск волн о берег, позвякивание камешков, крутившихся в воде, а над головой – крик одинокой чайки.

Группа мадларкеров стояла неподалеку, внимательно слушая гида – мужчину, которого я встретила на улице. Взяв себя в руки, я пошла вперед, осторожно ступая между податливыми камнями и грязными лужами. Я подошла к группе и усилием воли заставила себя отбросить все мысли о доме: о Джеймсе, о тайне, которую я узнала, о нашем неосуществившемся желании завести ребенка. Мне нужно было передохнуть от душившего меня горя, от шипов ярости, таких острых и неожиданных, что у меня перехватывало дыхание. Неважно, как я решу провести следующие десять дней, вспоминать и заново переживать то, что я двое суток назад узнала о Джеймсе, смысла не было.

Здесь, в Лондоне, в этой «праздничной» поездке в честь годовщины, мне нужно было понять, чего я действительно хочу и входят ли еще в список моих желаний Джеймс и дети, которых мы надеялись вместе растить.

Но для этого мне сначала нужно было извлечь на свет некоторую правду о себе самой.

3. Нелла. 4 февраля 1791 года

Когда в третьем доме по Малому переулку помещалась почтенная аптека для женщин, принадлежавшая моей матери, там была всего одна комната. Лавка, озаренная пламенем бесчисленных свечей, частенько забитая посетительницами с детьми, давала ощущение тепла и безопасности. В те дни, казалось, все в Лондоне знали о лавке снадобий для женщин, и тяжелая дубовая входная дверь редко бывала закрытой подолгу.

Но много лет назад – после смерти матери, после предательства Фредерика и после того, как я начала отпускать лондонским женщинам яды – стало необходимо разбить помещение на две отдельные, разграниченные части. Это было нетрудно, достаточно оказалось выстроить стену из полок, разделившую

комнату пополам.

В первую, переднюю, комнату по-прежнему можно было попасть прямо с Малого переулка. Кто угодно мог открыть входную дверь – она почти всегда была не заперта, – но большинству показалось бы, что они не туда попали. Теперь я ничего не держала в той комнате, кроме старой бочки с зерном, а кому интересен бочонок полусгнившей перловки? Иногда, когда мне везло, в углу шебуршилось крысиное гнездо, отчего впечатление заброшенности и запустения только усиливалось. Эта комната была моим первым прикрытием.

Многие покупатели и в самом деле перестали приходить. Они слышали о смерти моей матери, а увидев пустую комнату, решали, что лавка просто закрылась навсегда. Более любопытных и ушлых – вроде мальчишек, ищущих, что плохо лежит – пустота не отпугивала. В поисках добычи они углублялись в комнату, высматривая на полках товары или книги. Но отыскать им ничего не удавалось, потому что я ничего не оставила ворам, вообще ничего стоящего внимания. И они шли прочь. Они всегда шли прочь.

Какими же глупцами они были – все, кроме женщин, которым подруги, сестры или матери указывали, где искать. Только они знали, что бочонок с перловкой играл очень важную роль: он был средством связи, тайником для писем, содержание которых не смели произнести вслух. Только они знали, что в стене из полок спрятана незримая дверь, ведшая в мою лавку снадобий для женщин. Только они знали, что я безмолвно жду за стеной и пальцы мои запятнаны осевшим на них ядом.

Там-то я теперь и ждала женщину, которая должна была прийти на рассвете, мою новую заказчицу.

Услышав, как медленно заскрипели дверные петли в кладовке, я поняла, что она пришла. Я выглянула сквозь едва заметную щель между рядами полок, намереваясь украдкой бросить на нее первый взгляд.

И, отшатнувшись, прикрыла рот дрожащими пальцами. Что это, какая-то ошибка? То была не женщина; то была совсем девочка, не старше двенадцати-тринадцати лет, одетая в серое шерстяное платье и укрывшая плечи темно-синим вытертым плащом. Она не туда зашла? Возможно, она была одной из

юных воришек, которых не обманывала моя хитрость, и искала, что бы украсть. Если так, лучше бы ей было зайти в пекарню, утащить пару булочек с вишней, чтобы хоть немного поправиться.

Но девочка, несмотря на свою молодость, пришла точно с рассветом. Она спокойно, уверенно стояла в кладовке, глядя прямо на фальшивую стену из полок, за которой пряталась я.

Нет, она не была случайной посетительницей.

Сперва я приготовилась отослать ее прочь из-за возраста, но одернула себя. В письме она написала, что ей нужно что-нибудь для мужа ее госпожи. Что станется с моим делом, если эту госпожу знают в городе и пойдет слух, что я отослала девочку прочь? К тому же, продолжая подглядывать за девочкой сквозь щелку, я увидела, как высоко она держит свою черноволосую голову. Глаза у нее были круглые и ясные, но она не смотрела себе под ноги и не оглядывалась на входную дверь. Она слегка дрожала, но я была уверена, что от холода, а не от волнения. Девочка стояла слишком прямо и гордо, чтобы счесть, что она боится.

Что внушало ей эту смелость? Строгий приказ госпожи или что-то более зловещее?

Я откинула щеколду, отвела створку с полками внутрь и поманила девочку внутрь. Ее глаза тут же привыкли к крошечному помещению, ей даже не пришлось моргать; комнатка была настолько маленькой, что если бы мы с девочкой встали рядом и раскинули руки в стороны, то могли бы коснуться противоположных стен.

Я проследила за взглядом, которым она обвела полки вдоль задней стены, заставленные стеклянными флаконами, жестяными воронками, аптечными банками и ступками. У второй стены, подальше от огня, стоял дубовый шкаф моей матери с набором фарфоровых и глиняных сосудов, предназначенных для настоек и трав, которые рассыпались и портились от малейшего света. Вдоль ближайшей к двери стены шла на высоте девочкиных плеч длинная узкая стойка; на ней помещались несколько металлических весов, стеклянные и каменные гирьки и несколько переплетенных справочников по женским болезням. А если бы девочка заглянула в шкафы за стойкой, то увидела бы

ложки, пробки, подсвечники, оловянные тарелки и десятки листов пергамента, многие из которых покрывали сделанные наскоро заметки и расчеты.

Осторожно обойдя свою новую заказчицу и заперев дверь, я задумалась о том, как обеспечить девочке ощущение безопасности и уединения. Но страхи мои были необоснованны, потому что она плюхнулась на один из двух моих стульев, словно бывала у меня в лавке сотню раз. Теперь, когда она сидела на свету, я смогла рассмотреть ее получше. Сложения она была хрупкого, у нее были ясные ореховые глаза, едва ли не слишком большие для овального личика. Она переплела пальцы, положила руки на стол, посмотрела на меня и улыбнулась.

– Добрый день.

– Здравствуй, – ответила я, удивившись ее тону.

В одно мгновение я почувствовала себя глупо из-за того, что увидела нечто угрожающее в розоватом письме, написанном этим ребенком. Еще я удивилась ее прекрасному почерку, в таком-то юном возрасте. Волнение мое таяло, и его сменяло спокойное любопытство; мне хотелось побольше узнать об этой девочке.

Я повернулась к очагу, занимавшему один из углов комнаты. Чайник, который я недавно подвесила над огнем, испускал струйки пара.

– Я заварила травы, – сказала я девочке.

Налила отвар в две кружки и поставила одну перед ней.

Она поблагодарила меня и потянула кружку к себе. Ее взгляд остановился на столе, где помещались наши кружки, единственная зажженная свеча, мой журнал и письмо, которое она оставила в бочонке перловки: «Для мужа моей госпожи, с завтраком. На рассвете 4 февраля». Щеки девочки, на которых, когда она вошла, играл румянец, по-прежнему были румяными от юности и полноты жизни.

– Какие травы?

– Валерьяну, – ответила я. – С коричной палочкой. Несколько глотков согреют тело, еще пара прояснит и успокоит мысли.

С минуту мы помолчали, но в этом не было неловкости, как бывает между взрослыми. Я подумала, что девочка мне, скорее всего, благодарна за то, что ушла с холода. Я дала ей пару минут, чтобы согреться, а сама отошла к стойке и занялась мелкими черными камешками. Их нужно было отшлифовать на точильном камне, после чего из них выйдут отличные пробки для флаконов. Зная, что девочка за мной наблюдает, я взяла первый камешек, прижала его ладонью, прокатала, потом развернула и снова прокатала. Продержаться я смогла секунд десять-пятнадцать, потом мне пришлось остановиться и отдышаться.

Год назад я была сильнее, сил у меня было столько, что я могла бы прокатать и отшлифовать эти камешки за несколько минут, даже не откидывая волосы с лица. Но сегодня, когда на меня смотрело это дитя, я не могла продолжать – так у меня болело плечо. О, я не могла понять, что это за хворь; месяцы назад она зародилась в моем локте, потом переместилась в запястье, и только недавно жар начал проникать в суставы пальцев.

Девочка сидела тихо, плотно обхватив кружку.

– А что это, такое густое, в миске над огнем?

Я оторвалась от камешков и посмотрела в сторону очага.

– Мазь, – сказала я, – из свиного жира и пурпурной наперстянки.

– Значит, вы ее греете, потому что она слишком затвердела?

– Да, так и есть.

– А для чего она?

У меня загорелись щеки. Я не могла сказать ей, что листья пурпурной наперстянки, если высушить их и истолочь, высасывают жар и кровь из кожи и потому очень помогают в первые дни после того, как женщина родила

ребенка, – этот опыт девочке такого возраста был незнаком.

– От разрывов кожи, – ответила я, садясь на стул.

– Ядовитая мазь от разрывов кожи?

Я покачала головой:

– В этой мази яда нет, дитя.

Ее плечики напряглись.

– Но миссис Эмвелл, моя хозяйка, сказала, что вы торгуете ядами.

– Да, но я торгую не только ядами. – Женщины, приходившие сюда за моими смертельными снадобьями, видели, сколько всего у меня на полках, и некоторые шепотом рассказывали об этом своим самым близким подругам. Я продаю все виды масел, настоек и вытяжек – все, что можно найти в лавке уважаемого аптекаря.

В самом деле, когда много лет назад стала отпускать яды, не могла же я убрать с полок все, кроме мышьяка и опия. Я продолжала держать составляющие для лекарств от большинства болезней, такие безобидные вещи, как мускатный шалфей или тамариск. Пусть женщина избавится от одного недуга – к примеру, от вероломного мужа, – это не значит, что она неуязвима для прочих болезней. Мой журнал был лучшим тому доказательством; среди смертельных средств попадалось и много исцеляющих.

– Сюда приходят только девушки, – сказала девочка.

– Это тебе тоже сказала твоя госпожа?

– Да, мэм.

– Что ж, в этом она не ошиблась. Сюда приходят только девушки.

За единственным исключением, много лет назад, в мою лавку с ядами не ступала нога мужчины. Я помогала только женщинам.

Моя мать придерживалась этого принципа, с юных лет взращивая во мне осознание того, как важно предоставить женщинам безопасную гавань, место исцеления. Лондон мало что может предложить женщинам, нуждающимся в бережной заботе; вместо этого он кишит врачами-джентльменами, и каждый так же бесчестен и развращен, как прочие. Моя мать посвятила себя тому, чтобы дать женщинам убежище, место, где они могли бы и открыто говорить о своих недугах, не возбуждая мужской похоти.

С положениями медицины джентльменов моя мать также не была согласна. Она полагалась на проверенные средства прекрасной плодородной земли, а не на схемы, расписанные в книгах, которые изучают джентльмены в очках и со вкусом бренди на языке.

Девочка осмотрела мою лавку, в ее глазах отразилось пламя.

– Как умно. Мне здесь нравится, хотя и темновато. Откуда вы знаете, что уже утро? Окон-то нет.

Я указала на часы на стене.

– Время можно определить разными способами, – сказала я. – А окно мне совсем ни к чему.

– Наверное, вы устаете от темноты.

Бывали дни, когда я не отличала день от ночи, потому что уже давно утратила природное ощущение бодрости. Мое тело, казалось, вечно пребывало в усталости.

– Я привыкла, – сказала я.

Так странно было сидеть напротив этого ребенка. Последним ребенком в этой комнате была я, десятилетия тому назад, наблюдала за работой матери. Но я не была этой девочке матерью, и ее присутствие начинало меня тревожить. Ее

наивность была так мила, и все же она еще совсем ребенок. Что бы она ни думала о моей лавке, ей еще не могло быть нужно ничего из того, чем я торговала, – средства от бесплодия, кора от колик. Она пришла только ради яда, так что я решила вернуться к тому, что было под рукой.

– Ты не притронулась к отвару.

Она посмотрела на него с сомнением.

– Я не хочу показаться невежливой, но миссис Эмвелл велела мне быть очень осторожной…

Я остановила ее, подняв руку. Она была умной девочкой. Я взяла ее кружку в руки, сделала большой глоток и снова поставила перед ней на стол.

Она тут же схватила кружку и, поднеся ее к губам, выпила все до дна.

– Я умирала от жажды, – сказала она. – Спасибо, это так вкусно! Можно мне еще?

Я поднялась со стула, сделала два шажка к очагу. Постаралась не поморщиться, поднимая тяжелый чайник, чтобы вновь наполнить ее чашку.

– Что у вас с рукой? – спросила она у меня из-за спины.

– О чем ты?

– Вы ее странно держите все время, как будто вам больно. Вы ее повредили?

– Нет, – ответила я. – И подсматривать некрасиво.

Но я тут же пожалела, что заговорила с ней таким тоном. Она просто была любознательной, как я когда-то.

– Сколько тебе лет? – спросила я, смягчив голос.

– Двенадцать.

Я кивнула, чего-то в этом роде я и ожидала.

– Совсем юная.

Она замешкалась, и по мерному покачиванию ее подола я поняла, что она постукивает по полу ногой.

– Я никогда… – Она замялась. – Никогда никого не убивала.

Я чуть не рассмеялась:

– Ты еще ребенок. Я и не ждала, что ты за свою недолгую жизнь поубивала множество людей.

Мой взгляд упал на полку за ее спиной, на которой стояло фарфоровое блюдце цвета молока. На блюдце лежало коричневое куриное яйцо, скрывавшее в себе яд.

– Как тебя зовут?

– Элайза. Элайза Фэннинг.

– Элайза Фэннинг, – повторила я. – Двенадцати лет от роду.

– Да, мисс.

– И тебя сюда прислала твоя госпожа, так?

По этой договоренности я поняла, что хозяйка должна очень доверять Элайзе.

Но девочка помолчала, нахмурившись, и то, что она сказала следом, удивило меня.

– Изначально да, это была ее задумка, но это я предложила сделать все за завтраком. Мой хозяин предпочитает ужинать в закусочных, иногда его не

бывает по две ночи кряду. Я подумала, что завтрак – самое удобное.

Я взглянула на письмо Элайзы, лежавшее на столе, и провела большим пальцем по его краю.

– Ты понимаешь, что это не просто ему навредит? Он от этого не просто заболеет, но… – Я произнесла это медленнее. – Это убьет его, как убило бы животное? На это рассчитывает твоя госпожа?

Элайза подняла на меня глаза, пристально посмотрела. Сложила перед собой руки.

– Да, мисс.

При этих словах у нее даже не дрогнуло лицо.

4. Кэролайн. Наши дни, понедельник

– Не смогли устоять перед древним зовом реки, да? – произнес знакомый голос.

Гид стоявшей передо мной группы сделал шаг ко мне; на нем были огромные, доходившие до колена резиновые сапоги и голубые резиновые перчатки.

– Судя по всему, не смогла.

Сказать по правде, я по-прежнему не догадывалась, чем мы собирались заняться у реки, но это меня отчасти и привлекало. Я невольно улыбнулась гиду.

– Мне тоже такие понадобятся? – Я кивнула в сторону его сапог.

Он покачал головой.

– Ваши кроссовки подойдут, но возьмите вот что. – Он вынул из рюкзака пару бывших в употреблении, заляпанных грязью резиновых перчаток, таких же, как

у него. – Вы же не хотите порезаться. Идемте, мы там, подальше.

Он зашагал по берегу, потом обернулся ко мне:

– Да, кстати, я Альфред. Но меня все зовут Альф Холостяк. Смешно, если учесть, что я женат уже сорок лет. Но это старое прозвище, мне его дали за то, что я нашел кучу гнутых колец.

Заметив, с каким ошарашенным лицом я натягиваю перчатки, он продолжил:

– Сотни лет назад мужчины сгибали металлические кольца, чтобы показать, насколько они сильны, а уж потом просили руки дамы. Но если дама не хотела идти за мужчину, она, понимаете ли, бросала кольцо с моста и отказывала. Я нашел сотни таких колец. Похоже, много джентльменов ушло от этой реки холостыми, если вы следите за моей мыслью. В общем, странная традиция.

Я посмотрела на свои руки. Мое собственное кольцо сейчас было спрятано под грязной резиновой перчаткой. Мне традиция тоже на пользу не пошла. Несколько недель назад, прежде чем моя жизнь внезапно дернулась и замерла, я купила Джеймсу старинную шкатулку для новых деловых визиток. Шкатулка была жестяная, традиционный подарок на десятую годовщину, это должно было символизировать прочность нашего брака. Я заказала на ней гравировку с инициалами Джеймса, и посылку с ней доставили вечером накануне нашего предполагаемого отъезда в Лондон – как раз вовремя.

Но с тех пор все пошло наперекосяк.

Как только шкатулку принесли, я побежала с ней наверх спрятать ее в свой чемодан. Пока я возилась в гардеробной, нашлось несколько вещей, которые я еще не уложила: кое-какое белье, пара босоножек на каблуках, флаконы с эфирными маслами. Я перебрала их и отложила лаванду, абсолют розы и сладкий апельсин. Джеймсу особенно нравился сладкий апельсин.

Сидя по-турецки на полу в гардеробной, я подняла белье – не могла решить, брать его или нет, – клубок ярко-красной ленты, которая каким-то образом укладывалась вокруг попы и между ног. Я пожала плечами и бросила его в чемодан рядом с аптечным тестом на беременность, который я в то время отчаянно надеялась использовать в Лондоне, когда у меня не начнутся

месячные. И тут я вспомнила: витамины для беременных. По рекомендации врача я начала принимать их, как только мы стали пытаться зачать.

Когда я пошла в ванную за витаминами, мое внимание привлекло жужжание – мобильник Джеймса на комоде. Я мимоходом взглянула на него без особого интереса, но он зажужжал снова, и я увидела две буквы: ХО.

Вся дрожа, я наклонилась, чтобы прочесть сообщение. Оно было от кого-то, записанного в контактах Джеймса как «Б».

«Я буду так по тебе скучать», – это первое.

И дальше:

«Не пей столько шипучки, чтобы забыть, что было в пятницу. ХО».

Во втором сообщении, к моему ужасу, была еще и фотография черных трусиков в ящике письменного стола. Под трусиками я узнала яркий буклет с логотипом работодателя Джеймса. Судя по всему, фотография была сделана у него на работе.

Я в оцепенении смотрела на телефон. В прошлую пятницу я провела вечер в больнице с Роуз и ее мужем, пока Роуз рожала. Джеймс был в офисе, работал. Или не работал, как я теперь начала подозревать.

Нет, нет, это, должно быть, какая-то ошибка. Ладони у меня стали липкими. Я услышала, как Джеймс внизу ходит по кухне. Сделала несколько медленных вдохов и взяла телефон, сжав его, как оружие.

Я сбежала по лестнице.

– Кто такая Б.? – спросила я, показывая Джеймсу телефон.

По его лицу все было понятно.

– Кэролайн, – сказал он ровным голосом, словно я была клиентом и он собирался изложить мне анализ коренных причин. – Это не то, что ты думаешь.

Трясущейся рукой я открыла первое сообщение.

– «Я буду так по тебе скучать»? – прочитала я вслух.

Джеймс уперся ладонями в столешницу, подался вперед.

– Она просто коллега. Несколько месяцев, как запала на меня. Это предмет шуток в офисе. Серьезно, Кэролайн, полная ерунда.

Откровенная ложь. Я – пока – не обнародовала содержание второго сообщения.

– У вас что-то было? – спросила я, стараясь говорить спокойно.

Он медленно выдохнул, зачесал волосы пальцами назад.

– Мы встретились на мероприятии по продвижению пару месяцев назад, – наконец сказал он. Его фирма проводила обед для новых выдвиженцев в Чикаго; супругам тоже можно было прийти, за отдельную плату, но мы тщательно копили на Лондон, и я с легким сердцем решила не ходить. – В тот вечер мы поцеловались, всего разок, потому что слишком много выпили. У меня перед глазами все плыло.

Он шагнул ко мне, посмотрел мягким умоляющим взглядом:

– Я совершенно по-идиотски ошибся. Больше ничего не было, и с тех пор я ее не видел…

Новая ложь. Я снова ткнула в него телефоном, показывая пару черных трусиков в ящике стола.

– Уверен? Потому что она только что прислала тебе вот эту фотографию, попросив не забывать прошлую пятницу. Похоже, она теперь хранит в твоем столе свое нижнее белье?

У него заблестел от пота лоб, пока он придумывал объяснение.

– Это просто розыгрыш, Кэ…

– Вранье, – перебила его я, и по лицу у меня полились слезы.

В мозгу у меня нарисовалась безымянная фигура – женщина, которой принадлежали эти крошечные черные трусики, – и я впервые в жизни поняла необъятную ярость, которая доводит некоторых до убийства.

– Ты не очень-то работал в офисе в пятницу, да?

Джеймс не ответил; молчание было таким же признанием вины, как согласие.

Я поняла, что не могу больше верить ничему, что он говорил. Я подозревала, что он не только видел черные трусики своими глазами, но и сам их с нее снял. Джеймс редко не находил слов; если бы между ними не произошло ничего серьезного, он бы сейчас непреклонно защищался. Вместо этого он молчал, и на его потухшем лице большими буквами была написана вина.

Сам по себе секрет – то, что Джеймс мне изменил – был уже плох. Но в тот момент отвратительные болезненные вопросы о той женщине и серьезность их отношений казались не такими критичными, как то, что он несколько месяцев хранил эту тайну. А если бы я не нашла его телефон? Сколько бы он еще это от меня скрывал? Мы только прошлой ночью занимались любовью. Как он смел притащить в нашу постель тень этой женщины, в священное место, где мы пытались зачать ребенка.

У меня тряслись плечи, руки дрожали.

– Все эти ночи, когда мы старались зачать. Ты думал о ней, а не…

Но я подавилась словами, не в силах выговорить «обо мне». Я не могла связать эту пародию с нами, с моим браком.

Прежде чем он успел ответить, меня накрыла неукротимая тошнота, и я рванулась в туалет, захлопнула за собой дверь и заперла ее. Меня вырвало пять, семь, десять раз, пока совершенно не опустошило.

Рев лодочного мотора на реке выдернул меня из воспоминаний. Я подняла глаза на Холостяка Альфа – он смотрел на меня, разведя руки в стороны.

– Готовы? – спросил он.

Я смущенно кивнула и пошла за ним к группе из пяти-шести человек. Некоторые стояли на коленях, перебирая гальку. Я подошла поближе к своему гиду и тихонько сказала:

– Простите, но я не совсем понимаю, что такое мадларкинг. Мы что-то ищем?

Он взглянул на меня и рассмеялся так, что затрясся живот.

– Я вам так и не сказал, да? Ну, вот все, что вам нужно знать: Темза протекает через Лондон, и это довольно протяженный участок. Прямо здесь, в грязи, можно найти мелкие осколки истории, вплоть до римского периода, если достаточно долго искать. Мадларкеры с давних пор находят монеты, кольца, керамику, раньше они все это продавали. Об этом писали викторианские авторы – о бедных детишках, пытающихся заработать на хлеб. Но теперь мы ищем просто потому, что нам это нравится. Найденное оставляем себе, это наше правило. Смотрите, вот, – сказал он, указывая на мою ногу. – Вы почти наступили на глиняную трубку.

Он нагнулся и поднял ее. Мне она показалась тонким камешком, но Альф Холостяк улыбался во весь рот.

– За день их можно тысячу найти. Ничего особенного, если только ты не новичок. Вот сюда набивали табачные листья. Видите ребра вдоль корпуса? Я бы отнес ее к 1780–1820 годам.

Он замолчал, ожидая, как я отреагирую.

Я подняла брови и внимательнее взглянула на глиняную трубку, меня внезапно охватило волнение от того, что я держу в руках предмет, которого в последний раз касались столетия назад. Альф Холостяк уже сказал, что прилив и отлив каждый раз выносят новые тайны. Какие еще старинные артефакты могут оказаться неподалеку? Я убедилась, что перчатки плотно сидят у меня на руках,

потом опустилась на колени; возможно, я найду еще пару глиняных трубок, или монету, или гнутое кольцо, как сказал Альф Холостяк. А может быть, можно снять свое собственное кольцо, согнуть его и бросить в воду, к прочим символам рухнувшей любви.

Я медленно осматривала камни и проводила кончиками пальцев по блестящей гальке цвета ржавчины. Но через минуту нахмурилась; все казалось таким одинаковым. Даже если бы в иле лежало брильянтовое кольцо, сомневаюсь, что я бы его заметила.

– А подсказку вы дать не можете? – крикнула я Альфу Холостяку. – Или, может, лопату?

Он стоял от меня в нескольких метрах, изучая яйцевидный предмет, найденный кем-то другим.

Он рассмеялся:

– Управление Лондонского порта, к несчастью, запрещает пользоваться лопатами, да и вообще копать. Нам разрешено только осматривать поверхность. Так что, если что-то находишь, это судьба; ну, по крайней мере, мне нравится так думать.

Судьба – или пустая трата времени. Но или берег, или холодная, пустая огромная кровать в гостинице, так что я переместилась поближе к воде и опять опустилась на колени, отмахнувшись от стайки мошек, вившихся у моих ног. Я медленно обвела взглядом камни и уловила блеск чего-то гладкого и зеркального. У меня перехватило дыхание, я уже готова была позвать Альфа Холостяка, чтобы показать ему свою находку. Но, подойдя поближе и потянув к себе тонкий блестящий предмет, я поняла, что ухватилась всего лишь за перламутровый гниющий хвост дохлой рыбы.

– Фу, – простонала я. – Гадость.

Внезапно за спиной у меня раздался взволнованный вскрик. Я обернулась и увидела, как одна из участниц – женщина средних лет, склонившаяся так низко, что концы ее волос почти касались мокрого песка под ногами – подняла белесый камень с острыми краями. Она яростно потерла перчаткой его поверхность, а

потом гордо вскинула руку.

– А, фрагмент дельфтской керамики! – воскликнул Альф Холостяк. – И прекрасный, сказал бы я. Такого синего теперь не найдешь. Церулеум, открытый в конце восемнадцатого века. Теперь это дешевая краска. Посмотрите, – он показал взволнованной женщине узор, – похоже, это край каноэ, возможно, лодки-дракона.

Женщина радостно сунула фрагмент в сумку, и все вернулись к поискам.

– Послушайте, все, – пояснил Альф Холостяк. – Суть в том, чтобы дать вашему подсознанию уловить аномалию. Наш мозг заточен на то, чтобы выявлять сбои в последовательности. Это результат эволюции, мы стали такими много миллионов лет назад. Вы ищете не столько предмет, сколько нестыковку или отсутствие.

Ну, у меня в тот момент отсутствовало довольно много всего, не в последнюю очередь – ощущение безопасности или уверенность в том, что принесет мне остаток жизни. Когда я, узнав о Джеймсе, заперлась в ванной, он попытался туда вломиться, пока я лежала, свернувшись на коврике. Я умоляла оставить меня в покое; каждый раз, когда я просила, он отвечал какой-то мольбой, вроде «Позволь мне все исправить» или «Я всю жизнь буду это заглаживать». Я хотела одного – чтобы он ушел.

А еще я позвонила Роуз и рассказала ей обо всем этом кошмаре. Она совершенно ошалела, на заднем плане плакал ребенок, но она терпеливо слушала, и, когда я сказала ей, что не могу представить, как завтра полечу с ним в Лондон отмечать годовщину, она ответила:

– Так не лети с ним. Лети одна.

Жизнь у нас с Роуз в тот момент была совсем разная, но когда меня накрыло отчаянием, Роуз смогла увидеть то, чего не видела я: мне нужно было оказаться очень, очень далеко от Джеймса. Я не могла оставаться так близко к его рукам, к его губам; они будили мое воображение, и у меня снова сжимался желудок. И в этом смысле предстоявший мне полет в Лондон стал спасательным жилетом, брошенным за борт. Я отчаянно, яростно за него ухватилась.

За несколько часов до полета, когда Джеймс увидел, как я укладываю последние вещи в чемодан, он посмотрел на меня и молча покачал головой, выглядел он подавленным, а по моему измученному плачем, лишенному сна телу струилась горячая ярость.

Но, несмотря на то что мне нужны были время и расстояние, мне на каждом шагу напоминали, что Джеймса нет рядом. На регистрации в аэропорту сотрудница бросила на меня странный взгляд, постукивая по столу яркими оранжевыми ногтями, когда спросила, что с мистером Парсуэллом, вторым пассажиром, указанным в брони. Женщина в гостинице нахмурилась, когда я сказала, что мне нужен только один ключ от номера. А теперь я оказалась там, где совсем не ожидала: на грязном речном берегу, в поисках артефактов и, как сказал Альф, нестыковок.

– Доверяйте инстинктам больше, чем глазам, – продолжал Альф.

Обдумывая его слова, я уловила сернистый запах канализации откуда-то ниже по течению, и меня накрыло неожиданной волной тошноты. Я явно была не единственной, кого беспокоил запах, потому что некоторые вслух застонали.

– Это еще одна причина, по которой мы не копаем лопатами, – сказал Альф Холостяк. – Запахи тут не самые приятные.

Продвигаясь вдоль кромки воды в поисках нетронутых остальными участков, я оступилась и оказалась по щиколотку в мутной луже. Ахнув от внезапно хлынувшей в башмак холодной воды, я задумалась: что скажет Альф, если я сольюсь в самом начале? Даже если забыть про неприятные запахи, это приключение не сильно подняло мне настроение.

Я взглянула на телефон и решила, что потрачу на поиски еще двенадцать минут, до трех дня. Если до тех пор дело не пойдет веселее – не отыщется что-нибудь хоть немного интересное, – я вежливо извинюсь.

Двенадцать минут. Крошечная часть жизни, которой тем не менее хватит, чтобы все изменить.

5. Нелла. 4 февраля 1791 года

Я подошла к полке за спиной Элайзы и сняла с нее молочного цвета блюдце. На нем лежали четыре коричневых куриных яйца, два – чуть покрупнее остальных. Я поставила блюдце на стол.

Склонившись вперед, словно ей непреодолимо хотелось потянуться к блюдцу, Элайза положила руки на стол, и от ее ладоней остался влажный отпечаток.

По правде говоря, я видела в ней себя, когда была ребенком, – широко открытые от любопытства глаза при виде чего-то нового, чего-то, чего не знает большинство других детей, – хотя та часть меня умерла, казалось, тысячу лет назад. Разница была в том, что я впервые увидела содержимое этой лавки – сосуды, весы и каменные гири, – когда мне было куда меньше двенадцати. Мать познакомила меня с ними, как только я смогла поднимать и раскладывать предметы, отличать один от другого, складывать по порядку и переставлять.

Когда мне было всего шесть или семь и я не могла подолгу сосредоточиться на одном, мать учила меня простым, легким вещам, вроде цветов: склянки с синим и черным маслом должны стоять на этой полке, а красные и желтые на той. Когда я стала подростком и овладела разными навыками, научилась различать больше, трудность заданий возросла. Например, она могла высыпать целую банку хмеля на стол, разметать сухие горькие шишки и попросить меня разложить их по цвету. Пока я работала, мать трудилась рядом над настойками и отварами, объясняя мне разницу между скрупулами и драхмами[2 - Аптекарские меры веса.], аптечными банками и котелками.

Они были моими игрушками. Пока другие дети развлекались в грязных переулках с кубиками, палочками и картами, я проводила детство в этой самой комнате. Я выучила цвета, плотность и вкус сотен снадобий. Я изучала великих гербологов и запоминала латинские названия из фармакопеи. Мало было сомнений в том, что однажды я приму лавку матери и продолжу ее дело на благо женщинам.

Я никогда не хотела запятнать это наследие – исказить его и осквернить.

– Яйца, – прошептала Элайза, пробудив меня от размышлений. Она растерянно взглянула на меня. – У вас есть курица, несущая ядовитые яйца?

Несмотря на серьезность нашей с Элайзой встречи, я не могла не рассмеяться. Для ребенка было совершенно логично сказать именно это, и я откинулась на спинку стула.

– Нет, не совсем. – Я взяла одно яйцо, показала его девочке и вернула на блюдце. – Посмотри, если мы взглянем на эти четыре яйца, лежащие рядом, ты сможешь сказать, какие крупнее?

Элайза нахмурила лоб, склонилась вперед так, что ее глаза оказались на уровне стола, и несколько секунд рассматривала яйца. Потом она резко выпрямилась и с гордым лицом указала пальцем:

– Вот эти два, – объявила она.

– Хорошо, – кивнула я. – Два покрупнее. Ты должна это запомнить. Те два, что покрупнее, ядовитые.

– Те, что покрупнее, – повторила она. Отпила чаю. – Но как?

Я положила три яйца обратно на блюдце, но одно из тех, что покрупнее, оставила. Повернула его в руке так, чтобы оно легло тупым концом мне в ладонь.

– Чего ты не видишь, Элайза, так это крохотной дырочки на вершине яйца. Сейчас она замазана воском в цвет скорлупы, но, если бы ты была здесь вчера, ты бы увидела крошечную черную точку там, куда я иголкой внесла яд.

– И оно не разбилось! – воскликнула Элайза, словно я показала фокус. – И я даже не вижу воск.

– Именно. И все-таки яд внутри – его достаточно, чтобы кого-нибудь убить.

Элайза кивнула, глядя на яйца:

– А что это за яд?

– Nux vomica, крысиный яд. Яйцо – лучшее место для истолченного семени, потому что желток – вязкий и прохладный – сохраняет его так же, как сохранил бы цыпленка.

Я вернула яйцо на блюдце, к остальным.

– Вы скоро будете использовать яйца?

– Завтра утром, – сказала Элайза. – Когда он дома, моя госпожа ест вместе с мужем.

Она помолчала, словно представляя накрытый для завтрака стол.

– Я подам госпоже два яйца поменьше.

– А как ты их различишь после того, как разобьешь на сковородку?

Это ее озадачило, но ненадолго.

– Я сперва приготовлю яйца поменьше, положу их на тарелку госпожи, а потом пожарю те, что покрупнее.

– Очень хорошо, – сказала я. – Это совсем недолго. Через пару мгновений он может пожаловаться на то, что у него горит во рту. Смотри, подай яйца как можно более горячими, так, чтобы он не разобрал, – может, с подливкой или под перечным соусом. Он подумает, что просто обжег язык. Вскоре его затошнит, и он, скорее всего, захочет прилечь.

Я склонилась к Элайзе, чтобы она ясно поняла то, что я собиралась сказать.

– Советую после воздержаться от того, чтобы его видеть.

– Потому что он умрет? – сказала она без выражения.

– Нет, сразу, – пояснила я. – В часы после употребления nux vomica большинство жертв страдают от судорог. Их может прогибать назад, как будто их тело – натянутый лук. Я никогда не видела этого сама, но говорят, что это ужасно. Что видевшим потом всю жизнь снятся кошмары. – Я откинулась на стуле и смягчила взгляд. – Конечно, когда он умрет, эти судороги прекратятся. Тогда он будет выглядеть куда более мирно.

– А потом, если кто-нибудь захочет осмотреть кухню или сковородки?

– Они ничего не найдут, – заверила я ее.

– Из-за чародейства?

Я сложила руки на коленях и покачала головой:

– Малышка Элайза, постарайся понять – это не чародейство. Не ворожба и заклинания. Это все вещи земные, такие же настоящие, как грязь у тебя на щеке.

Я облизнула палец и провела по ее щеке. Потом удовлетворенно откинулась назад.

– Чародейство и маскировка могут вести к одному, но, уверяю тебя, сами по себе они различны.

На ее лице отразилось непонимание.

– Ты знаешь, что такое маскировка? – добавила я.

Она покачала головой и дернула плечом.

Я подвела Элайзу к тайной двери, в которую она зашла.

– Когда ты сегодня утром вошла на склад, с той стороны стены, ты знала, что я за тобой наблюдаю сквозь дырочку в стене?

Я указала на вход в свою тайную комнату.

– Нет, – ответила она. – Я понятия не имела, что вы там. Когда я вошла и увидела, что тут пусто, я думала, вы войдете из переулка, у меня из-за спины. Я бы очень хотела себе в дом такую спрятанную комнату когда-нибудь потом.

Я склонила к ней голову:

– Ну, если тебе будет что прятать, тебе, возможно, и придется выстроить тайную комнату.

– Она всегда тут была?

– Нет. Когда я была ребенком и работала тут с матушкой, в такой комнате не было нужды. У нас тогда не было ядов.

Девочка нахмурилась:

– Вы не всегда торговали ядами?

– Не всегда, нет.

Делиться с юной Элайзой подробностями смысла не было, но это признание пробудило болезненные воспоминания.

Двадцать лет назад моя мать в начале недели начала кашлять, к середине у нее развилась лихорадка, а к воскресенью она умерла. Ее не стало всего за шесть дней. В двадцать один год я потеряла всю семью, единственного друга, лучшего учителя. Дело моей матери стало моим делом, я не знала в мире ничего, кроме наших настоек. В то время я жалела, что не умерла вместе с ней.

Я едва могла удержать лавку на плаву, такое отчаяние тянуло меня на дно. Я не могла обратиться к отцу, потому что не знала его. Десятилетия назад он, моряк, прожил несколько месяцев в Лондоне – достаточно, чтобы соблазнить мою мать, – а потом отплыл с командой дальше. У меня не было ни братьев, ни сестер, и друзей почти не было. Аптекарь ведет странную и одинокую жизнь. Сама природа занятия моей матери означала, что мы проводили больше времени

в обществе зелий, чем в человеческом. Когда она меня покинула, я считала, что мое сердце разбито, и боялась, что наследие моей матери – и лавку – постигнет та же участь.

Но в самое пламя моей скорби будто плеснули эликсира: в мою жизнь вошел темноволосый юноша по имени Фредерик. В то время я думала, что эта случайная встреча – благословение; его присутствие начало остужать и смягчать то многое, что пошло вкривь и вкось. Он был торговцем мясом, и он быстро справился с неразберихой, которая накопилась у меня после смерти матери: с долгами, которые я не выплатила, красителями, которые не внесла в опись, платой, которую не собрала с должников. И даже когда дела лавки были приведены в порядок, Фредерик остался. Он не хотел расставаться со мной, а я с ним.

Когда-то я думала, что сведуща только в тонкостях аптекарского ремесла, но вскоре осознала, что понимаю и в другом, в том, что происходит между двумя телами, целебном средстве, которое нельзя было отыскать в склянках, стоявших у меня вдоль стен. Следующие несколько недель мы были чудовищно, чудесно влюблены. Море моей скорби обмелело; я снова могла дышать, я видела будущее – будущее рядом с Фредериком.

Я не могла знать, что всего через несколько месяцев после того, как полюбила его, приготовлю смертельную дозу крысиного яда, чтобы его убить.

Первое предательство. Первая жертва. Первое пятно на моем наследии.

– Лавка тогда была не такой забавной, – сказала Элайза, отворачиваясь, будто с разочарованием. – Ни ядов, ни тайной комнаты? Хм. Тайная комната любому понравится.

Ее невинности можно было только позавидовать, она была слишком молода, чтобы понять, каким проклятием становится место, которое когда-то любили, – тайная комната или что угодно другое, – если его омрачит потеря.

– Дело не в забавности, Элайза. Дело в сокрытии. Вот что означает маскировка. Любой может купить яд, но нельзя просто бросить крупинку кому-то в яичницу, потому что следователь может найти остаток или коробку от яда в мусоре. Нет, все нужно так хитро замаскировать, чтобы отследить было нельзя. Яд спрятан в

этом яйце, так же как моя лавка спрятана в недрах старого склада. Так, что любой, кого здесь не ждут, без сомнения развернется и уйдет. Склад перед лавкой – это, можно сказать, моя маскировка.

Элайза кивнула, и узел волос качнулся у нее на шее. Скоро она станет красивой молодой женщиной, куда красивее других, с этими длинными ресницами и четкими чертами. Она прижала блюдце с яйцами к груди.

– Тогда, думаю, у меня есть все, что нужно.

Она вытащила из кармана несколько монет и положила их на стол. Я быстро их пересчитала: четыре шиллинга и шестипенсовик.

Она встала, потом коснулась губ кончиками пальцев.

– Но как же я их донесу? Боюсь, они могут разбиться у меня в кармане.

Я продавала яд женщинам втрое старше ее, и те не задумывались о том, что сосуд разобьется у них в кармане; Элайза, похоже, была умнее всех них, вместе взятых. Я протянула ей рыжеватую стеклянную банку, и мы вдвоем аккуратно уложили яйца в банку, засыпав каждое древесным пеплом на сантиметр, прежде чем класть следующее.

– Но все-таки неси их осторожно, – предупредила я. – И, – я легонько коснулась ее руки, – если потребуется, хватит и одного яйца.

Она помрачнела, и в эту секунду я поняла, что, несмотря на ее юность и жизнерадостность, которую она до сих пор выказывала, она и в самом деле осознает всю серьезность того, что собирается сделать.

– Спасибо, мисс… эээ…

– Нелла, – сказала я. – Нелла Клэвинджер. А его как зовут?

– Томпсон Эмвелл, – уверенно ответила она. – С Уорик-лейн, возле собора.

Она подняла банку, чтобы убедиться, что яйца должным образом улеглись внутри, но вдруг нахмурилась.

– Медведь, – заметила она, глядя на маленький значок, выгравированный на банке.

Моя мать давно выбрала медведя, поскольку Малых переулков в Лондоне было множество, но только наш пролегал рядом с Медвежьим переулком. Маленькая гравировка на банке была достаточно безопасна, ее узнавали только те, кто был должен.

– Да, – поторопила я Элайзу, – чтобы ты не спутала банку с другой.

Элайза шагнула к двери. Уверенным движением провела одним пальцем по закопченным камням возле входа. В саже осталась резкая черта, открывшая полосу незапачканного камня шириной в палец. Она улыбнулась весело, словно только что нарисовала мне картинку на чистом листке бумаги.

– Спасибо, мисс Нелла. Должна сказать, что мне понравился ваш чай и эта тайная лавка, и я очень надеюсь, что мы еще увидимся.

Я подняла брови. Большая часть моих покупателей не промышляла убийствами, и, если только она не вернется за лекарством, я не думала, что увижу ее снова. Но я только улыбнулась любознательной девочке.

– Да, – сказала я, – возможно, мы еще увидимся.

Я отперла дверь, открыла ее и смотрела, как Элайза вышла через склад в переулок, пока ее маленький силуэт не смешался с тенями снаружи.

Когда она ушла, я на несколько минут задумалась о ее визите. Странное юное создание. Я не сомневалась, что она исполнит свою задачу, и была благодарна за мгновение веселья, которое она принесла в мою лавку, торговавшую ядами. Я была рада, что не отказала ей, рада, что не послушалась зловещего предчувствия, которое сперва внушило мне ее письмо.

Усевшись обратно к столу, я подтянула к себе журнал. Открыла его с конца, нашла свободное место и приготовилась сделать запись.

Потом, окунув перо в чернильницу, поднесла его к бумаге и написала:

«Томпсон Эмвелл. Яйцо обр. NV. 4 фев. 1791. По заказу мисс Элайзы Фэннинг, двенадцати лет».

6. Кэролайн. Наши дни, понедельник

Я стряхнула грязь с мокрого башмака и пошла дальше вдоль кромки воды. Стоило мне отдалиться от остальных участников группы, их негромкий разговор стал неслышен, и мягкое биение слабого речного прибоя поманило меня к воде. Я посмотрела вверх, в небо – над моей головой скользила туча цвета синяка. Я поежилась и подождала, чтобы ее отнесло в сторону, но за ней ползли другие. Похоже, приближалась гроза.

Я скрестила руки и осмотрела землю у себя под ногами, все ту же смесь серой и медного цвета гальки. Ищите нестыковки, сказал Альф Холостяк. Я шагнула ближе к воде, глядя, как мелкие волны подкатываются ко мне и отступают в неизменном ровном ритме, пока мимо не промчится катер, заставивший воду плеснуть выше. А потом я услышала его: гулкий булькающий звук, словно пузырьки воздуха попали в бутылку.

Когда вода отступила, я пошла на звук и увидела стеклянный сосуд, голубоватый, застрявший между двумя камнями. Наверное, старая бутылка из-под газировки.

Я опустилась на колени, чтобы его осмотреть, потянула бутылку за узкое горлышко, но ее донышко крепко засело в камнях. Пока я возилась, вытаскивая ее, мне бросился в глаза крошечный значок на ее стенке. Может быть, торговая марка или логотип компании? Я убрала камень, что был побольше, и, высвободив бутылку, вынула ее из ямки.

В ней было не больше пяти дюймов – это был скорее, флакон, учитывая небольшой размер, – сделана она была из прозрачного, небесно-голубого стекла, скрытого слоем запекшейся грязи. Я окунула флакон в воду и обтянутым резиной пальцем стерла грязь, потом снова подняла флакон, чтобы изучить его поближе. Значок на боку казался остатком гравировки, сделанной, скорее, вручную, чем машиной, и изображал какое-то животное.

Я понятия не имела, что такое нашла, но подумала, что вещь достаточно интересная, чтобы позвать Альфа. Но он и сам уже шел ко мне.

– Что тут у вас? – спросил он.

– Точно не знаю, – сказала я. – Какой-то флакон с выгравированным сбоку зверьком.

Альф Холостяк взял флакон, поднес его к глазам. Перевернул его, поскреб ногтем стекло.

– Странно. Похоже на аптечный флакон, но обычно есть другие знаки: название компании, дата, адрес. Возможно, это просто домашняя утварь. Кто-то учился гравировать. Надеюсь, у него потом стало получаться лучше.

Он пару секунд помолчал, изучая дно флакона.

– И стекло местами неровное. Он не фабричной работы, это точно, так что, судя по всему, лет ему изрядно. Он ваш, если хотите. – Альф развел руками. – Завораживает, правда? Лучшая работа в мире, не устану повторять.

Я выдавила из себя полуулыбку, отчасти завидуя, что не могу сказать того же про свою работу. Скажем так, внесение цифр в устаревшую программу на устаревшем компьютере семейной фермы нечасто давало мне повод улыбнуться так же широко, как улыбался сейчас Альф. Вместо этого я день за днем проводила за шатким столом из желтого дуба, тем же, за которым больше трех десятилетий работала моя мать. Десять лет назад, когда у меня не было работы, но был новый дом, возможность поработать на ферме казалась слишком удачной, чтобы от нее отмахнуться, но я иногда задумывалась, почему осталась там так надолго. Да, я не могла преподавать историю в местной школе, но это не значило, что у меня не было других путей; наверняка существовало что-то

поинтереснее административной работы на ферме.

Но дети! Учитывая, что в перспективе планировались дети, первостепенную важность обретала стабильность моей работы, как любил напоминать мне Джеймс. И поэтому я оставалась на месте и научилась выносить разочарование и неприятные мысли о том, не упускаю ли что-то большее. А возможно, и что-то совершенно из другой области.

Стоя на берегу с Альфом, я задумалась о том, не мог ли он давным-давно заниматься скучной работой за письменным столом. И что в итоге решил, что жизнь слишком коротка, чтобы страдать сорок часов в неделю? Или, возможно, он был смелее, решительнее меня и превратил свою страсть – мадларкинг – в полноценную работу. Я думала, не спросить ли его, но не успела: его позвал кто-то из других участников группы осмотреть находку.

Я забрала у Альфа флакон и наклонилась, чтобы положить его на место, но что-то сентиментальное и печальное во мне отказывалось это делать. Я ощутила странную связь с тем, кто последним держал в руках этот флакон, – внутреннее родство с человеком, отпечатки чьих пальцев в прошлый раз остались на стекле, как сейчас мои. Что за настойку смешивали в этой небесно-голубой бутылочке? И кому хотели помочь, кого исцелить?

У меня защипало глаза, когда я задумалась о том, каковы были шансы найти этот предмет на берегу: исторический артефакт, возможно, когда-то принадлежавший ничем не примечательному человеку, кому-то, чье имя не значилось в учебниках, но чья жизнь все равно была завораживающей. Именно это мне казалось таким чудесным в истории: от того, кто последним держал в руках этот флакон, меня могли отделять века, но нас объединяло ощущение прохладного стекла в пальцах. Казалось, будто вселенная в своей странной и нелепой манере захотела дотянуться до меня, напомнить о том, как меня когда-то волновали пустячные осколки прошедших веков, если только получалось разглядеть что-то сквозь скопившуюся за годы грязь.

Мне вдруг пришло в голову, что с той секунды, когда мой самолет сел в Хитроу, я ни разу не заплакала из-за Джеймса. И разве не ради этого я сбежала в Лондон? Отсечь, пусть всего на несколько минут, болезненную тяжесть печали? Я улетела в Лондон продышаться, и именно это, черт возьми, я и делала, даже если часть времени провела в буквальном смысле по колено в грязи.

Я поняла, что оставить флакон себе будет правильно. Не только потому, что ощущала тонкую связь с тем, кому он когда-то принадлежал, но и потому, что нашла его во время занятия по мадларкингу, которое и близко не входило в изначальное, заранее составленное для нас с Джеймсом расписание. Я пришла на берег одна. Я сунула руки в грязную щель между двумя камнями. Я удержалась от слез. Этот стеклянный предмет – хрупкий, но все же неповрежденный, в чем-то похожий на меня – был доказательством того, что я могу быть смелой, могу искать приключений и самостоятельно делать что-то сложное. Я сунула флакон в карман.

Над нашими головами продолжали сгущаться тучи, где-то к западу от излучины реки сверкнула молния. Альф Холостяк подозвал нас всех к себе.

– Извините, ребята, – проревел он, – но, раз ударила молния, продолжать нельзя. Давайте сворачиваться. Вернемся завтра, в это же время, если кто-то захочет к нам снова присоединиться.

Стягивая перчатки, я подошла к Альфу. Теперь, как-то даже привыкнув к обстановке, я не могла не огорчаться из-за того, что занятие закончилось так рано. В конце концов, я только что нашла что-то стоящее, и меня обуревали любопытство и желание продолжить поиски. Я понимала, как можно подсесть на это занятие.

– Будь вы на моем месте, – спросила я Альфа, – куда бы вы пошли, чтобы узнать побольше о флаконе?

Даже если на нем и не было знаков, которые Альф ожидал увидеть на типичном аптечном флаконе, возможно, я все равно могла отыскать какую-то информацию о нем, особенно учитывая это животное, выгравированное сбоку, которое, по-моему, походило на стоящего на четырех лапах медведя.

Альф тепло улыбнулся, отряхнул мои перчатки и бросил их к остальным, в ведро.

– Ну, думаю, можно показать его какому-нибудь любителю или коллекционеру, который изучает стекольное дело. Формы, полировка и техника меняются, так что, возможно, кто-то сможет помочь вам с его датировкой.

Я кивнула, понятия не имея, как отыскать любителя-стеклодува.

– Думаете, флакон здешний, из Лондона?

Я раньше слышала, как Альф Холостяк сказал кому-то из участников, что Виндзорский замок километрах в сорока к западу. Кто знает, какой путь проделал флакон и откуда?

Альф поднял бровь.

– Без адреса или какой-либо надписи? Это почти невозможно определить.

Над нами угрожающе пророкотал гром. Альф поколебался, раздираемый желанием помочь любознательному новичку вроде меня и не дать нам промокнуть – или пострадать.

– Слушайте, – сказал он, – попробуйте зайти в Британскую библиотеку и спросить в отделе карт Гейнор. Можете сказать ей, что я вас прислал. – Он взглянул на часы. – Сегодня они скоро закрываются, так что вам лучше поспешить. Поезжайте на метро, с «Темзлинк» до «Сент-Панкрас». Так будет быстрее всего – и суше. К тому же не худшее место, чтобы переждать грозу.

Я поблагодарила его и поспешила прочь, надеясь, что у меня еще есть пара минут до того, как разразится гроза. Я вытащила телефон, с облегчением вздохнула, увидев, что станция всего в нескольких кварталах, и смирилась с тем, что, если я десять дней проведу в Лондоне одна, надо начинать учиться пользоваться метро.

Выйдя из метро под ливень, я увидела прямо перед собой Британскую библиотеку. Я побежала трусцой, оттянув ворот в безнадежной попытке проветрить майку изнутри. И, что еще хуже, башмак – в который залилась вода, когда я наступила на берегу в лужу – так и не просох. Зайдя наконец в библиотеку, я взглянула на свое отражение в окне и вздохнула, опасаясь, что Гейнор меня отправит прочь из-за неопрятного вида.

В фойе библиотеки набились пешеходы, туристы и студенты, прятавшиеся от дождя. И все же мне казалось, что я единственная, у кого есть веская причина, чтобы здесь находиться. Многие были с рюкзаками и фотоаппаратами, а я

пришла всего лишь с куском непонятного стекла в кармане и именем, даже без фамилии, женщины, которая могла тут вообще-то даже и не работать. На мгновение я задумалась, не пора ли сдаться; возможно, пора отыскать себе сэндвич и заняться составлением настоящего плана.

Едва эта мысль обозначилась у меня в мозгу, я покачала головой. Что-то именно такое сказал бы Джеймс. Дождь продолжал лупить по окнам библиотеки, и я решила игнорировать голос разума – тот самый, который велел мне порвать заявление в Кембридж и подтолкнул пойти работать на семейную ферму. Вместо этого я спросила себя, что бы сделала прежняя Кэролайн – Кэролайн десятилетней давности, увлеченная студентка, еще не ослепленная бриллиантом на своем пальце.

Я подошла к лестнице, где толклась группа вытаращивших глаза туристов, развернувших перед собой буклет и раскидавших под ногами чехлы от зонтов. Возле лестницы сидела за столом молодая служащая; я пошла к ней и с облегчением увидела, что ее не возмущает моя мокрая неопрятная одежда.

Я сказала ей, что мне нужно поговорить с Гейнор, но она только хихикнула.

– У нас больше тысячи сотрудников, – сказала она. – Вы знаете, в каком отделе она работает?

– Карт, – сказала я, сразу ощутив, что у меня больше оснований тут быть, чем минуту назад.

Служащая поискала в компьютере, кивнула и сказала, что в справочной читального зала карт на третьем этаже действительно работает Гейнор Бэймонт. Потом указала мне дорогу к лифтам.

Через несколько минут я стояла перед справочным столом в читальном зале карт, глядя, как привлекательная женщина за тридцать с волнистыми каштановыми волосами склоняется над черно-белой картой с лупой в одной руке и карандашом в другой; ее лоб покрывали сосредоточенные морщины. Минуту-другую спустя она выпрямилась, чтобы размять спину, и вздрогнула, увидев меня.

– Простите, что беспокою, – прошептала я, поскольку в зале не было слышно почти ни звука. – Я ищу Гейнор.

Она посмотрела мне в глаза и улыбнулась.

– Вы пришли в нужное место. Я Гейнор. – Она отложила лупу и убрала с лица упавшую прядь волос. – Чем я могу вам помочь?

Теперь, когда я стояла перед ней, моя просьба казалась нелепой. Было понятно, что эта карта – беспорядочная путаница кривых линий и мелких надписей – сейчас представляет собой важную часть ее исследования.

– Я могу зайти попозже, – предложила я, отчасти надеясь, что она ухватится за это предложение, отправит меня прочь и таким образом заставит заняться чем-то более плодотворным.

– Не говорите ерунды. Этой карте сто пятьдесят лет. Она не изменится за ближайшие пять минут.

Я сунула руку в карман, вызвав у Гейнор растерянный взгляд: она, наверное, больше привыкла к студентам с длинными, свернутыми в трубку пергаментами, чем к промокшим под дождем женщинам, достающим из кармана какую-то мелочь.

– Я недавно нашла это на берегу реки. Была в группе по мадларкингу – с нами занимался человек, которого зовут Альф, – и он мне сказал, чтобы я пошла к вам. Вы его знаете?

Гейнор широко улыбнулась.

– Вообще-то он мой папа.

– Ой! – воскликнула я, и ближайший посетитель бросил на меня раздраженный взгляд. Как хитро со стороны Альфа Холостяка ничего мне не сказать! – Ну, здесь есть значок… – Я показала. – Это единственный знак на флаконе. По-моему, это медведь. Мне просто интересно, откуда он мог взяться.

Она с интересом склонила голову набок.

– Большинство людей не заинтересовались бы такой вещью. – Гейнор протянула руку, и я отдала ей флакон. – Вы, наверное, историк или исследователь?

Я улыбнулась.

– Не профессиональный. Но немного интересуюсь историей.

Гейнор подняла на меня глаза:

– Мы родственные души. Я по работе вижу самые разные карты, но больше всего люблю старые, темные. Они всегда оставляют разные возможности для интерпретации, поскольку места со временем заметно меняются.

Места и люди, подумала я. Я чувствовала перемену в самой себе как раз в этот момент: беспокойство во мне ухватилось за возможность приключения, за вылазку в мое давно утраченное увлечение прошлыми временами.

Гейнор подняла флакон к свету.

– Я видела несколько старинных флаконов вроде этого, но обычно они чуть крупнее. Мне всегда казалось, что в них есть что-то неприятное, ведь неизвестно толком, что там когда-то было. Кровь или мышьяк, так я думала, когда была маленькой.

Она пристальнее рассмотрела гравировку, провела по миниатюрному животному пальцем.

– Правда похоже на маленького медведя. Странно, что больше нет никаких знаков, но, наверное, можно счесть, что он когда-то принадлежал хозяину лавки, вроде аптекарской. – Она вздохнула, возвращая мне флакон. – У папы золотое сердце, но я не понимаю, зачем он послал вас ко мне. Я честно не представляю, что это за флакон или откуда он.

Она взглянула на лежавшую перед ней карту, вежливый способ дать мне понять, что наш краткий разговор окончен.

Тупик. От разочарования у меня вытянулось лицо. Я поблагодарила Гейнор за то, что уделила мне время, и пошла прочь от стола. Но едва я развернулась, она меня позвала:

– Простите, мисс, я не расслышала, как вас зовут?

– Кэролайн. Кэролайн Парсуэлл.

– Вы из Штатов?

Я улыбнулась:

– По акценту, наверное, сразу понятно. Да, я приехала туристом.

Гейнор взяла ручку и склонилась над картой.

– Ну, Кэролайн, если я еще чем-то могу вам помочь или если выясните что-то о флаконе, я с радостью вас выслушаю.

– Конечно, – сказала я, кладя флакон в карман.

Впав в уныние, я решила забыть и про этот предмет, и вообще про мадларкинг. Я, в общем, не очень-то верила в то, что некоторые находки – это судьба.

7. Элайза. 5 февраля 1791 года

Я проснулась от боли в животе, какой не испытывала прежде. Сунула руки под ночную сорочку, прижала пальцы к коже. Кожа под ними была на ощупь теплой и припухшей, и я сжала зубы, когда внутри начала разрастаться тупая боль.

Боль была не такая, как бывает, когда объешься сладостей или закружишься со светлячками в саду, как бывало дома. Она гнездилась ниже, словно мне нужно было облегчиться. Я побежала к горшку, но тяжесть все равно не ушла.

А ведь меня ждала такая важная работа! Самая важная из тех, что мне поручала госпожа. Важнее любых тарелок, что я скребла, или пудингов, что пекла, или конвертов, что запечатывала. Я не могла огорчить госпожу, сказав, что мне нехорошо и я хотела бы полежать. Эти отговорки могли бы сработать у родителей на ферме в день, когда нужно было чистить коней или собирать созревшие бобы. Но не сегодня, не в высоком кирпичном доме Эмвеллов.

Выпутавшись из сорочки и подойдя к умывальному тазу, я решила, что не буду обращать внимания на неудобство. Помывшись, я прибралась в своей чердачной комнате и, гладя полосатую кошку, которая спала в ногах у меня на кровати, тихонько прошептала себе, словно, если сказать это вслух, было легче поверить: «Сегодня утром я подам ему отравленные яйца».

Яйца. Они так и лежали в банке с пеплом, в кармане моего платья, висевшего у кровати. Я вынула банку, прижала ее к груди и почувствовала холод стекла даже сквозь нижнюю рубашку. Я сжала банку покрепче, и руки у меня не дрожали, ни капельки.

Я была смелой девочкой. По крайней мере, в чем-то.

Два года назад, когда мне было десять, мы с матерью выехали из нашей маленькой деревушки, Суиндона, в большой, обширный город Лондон. Я никогда не бывала в Лондоне, слышала только, как говорят про то, какой он грязный и богатый. «Негостеприимное место для таких, как мы», – всегда бормотал мой отец-фермер.

Но мать была не согласна. Наедине она рассказывала мне о ярких красках Лондона – о золотых шпилях церквей, о павлиньей синеве платьев – и разных городских лавках и магазинах. Она описывала диковинных животных, одетых в кафтаны, их погонщиков, водящих зверей по улицам, рыночные прилавки, на которых продают горячие булочки с миндалем и вишней и к которым выстраивается очередь до трех десятков человек.

Девочка вроде меня, выросшая среди скотины и диких кустов, на которых не родится ничего, кроме горьких плодов, такого места и вообразить не могла.

У меня было четверо старших братьев, которые могли помогать на ферме, и мать настояла на том, чтобы найти мне место в Лондоне, едва я доросла до положенных лет. Она знала, что, если я не уеду из деревни совсем молодой, не видать мне в жизни ничего, кроме пастбищ и свинарников. Родители спорили об этом месяцами, но мать не отступала ни на шаг.

Утро моего отъезда было напряженным и полным слез. Отец злился, что ферма теряет пару годных рабочих рук, а мать переживала, что расстается со своим младшим ребенком. «Кажется, будто кусок от сердца отрезаю, – плакала она, разглаживая лоскутную накидку, которую только что уложила в мой сундучок. – Но я не дам этому обречь тебя на жизнь вроде моей».

Направлялись мы в контору по найму слуг. Когда мы въехали в город, мать прижалась ко мне, и печаль в ее голосе сменилась оживлением.

– Начинать нужно там, куда поместит тебя жизнь, – сказала она, сжав мое колено, – и двигаться оттуда вверх. Нет ничего дурного в том, чтобы начать в судомойках или горничных. К тому же Лондон – чародейское место.

– Что это значит, чародейское, матушка? – спросила я, широко раскрыв глаза при виде открывавшегося понемногу города.

День был ясный и синий; я уже представила, как мозоли у меня на руках станут меньше.

– Это значит, что в Лондоне можно быть кем захочешь, – ответила она. – В деревенских полях тебя не ждет ничего. Изгороди тебя не выпустят, как свиней, как меня не выпустили. Но в Лондоне? Со временем, если будешь умницей, сможешь достичь власти, как колдунья. В таком великолепном городе даже бедная девушка может превратиться в кого захочет.

– Как синяя бабочка, – сказала я, подумав о блестящих коконах, которые видела на пустоши летом. За несколько дней они становились черными как сажа, будто живое существо внутри съеживалось, чтобы умереть. Но потом темнота отступала, обнажая бабочкины сверкающие синие крылья в бумажной обертке. Вскоре крылья пронзали кокон, и бабочка вылетала на волю.

– Да, как бабочка, – согласилась мать. – Даже великие мужи не могут объяснить, что творится внутри кокона. Это чародейство, точно, как то, что творится в Лондоне.

С этой минуты я хотела знать больше про то, что называют чародейством, мне не терпелось исследовать город, в который мы только что приехали.

В конторе по найму слуг мать терпеливо стояла в сторонке, пока меня осматривала пара женщин; одной из них была миссис Эмвелл в розовом атласном платье и чепчике, отороченном кружевом. Я не могла удержаться и все таращилась на нее: никогда в жизни я не видела розового атласного платья.

Миссис Эмвелл я, похоже, сразу приглянулась. Она склонилась, чтобы со мной поговорить, так близко, что наши лица почти соприкоснулись, а потом обняла за талию мою мать, глаза у которой снова наполнились слезами. Я обрадовалась, когда миссис Эмвелл наконец взяла меня за руку, подвела к массивному столу красного дерева у входа в контору и попросила у служителя бумаги.

Пока она вносила в них требовавшиеся сведения, я заметила, что руки у миссис Эмвелл сильно дрожат, казалось, ей с трудом удается удержать на бумаге кончик пера. Слова у нее получились неровные, они изгибались под странными углами, но для меня это ничего не значило. В те дни я не умела читать, и все почерки казались мне одинаково неразборчивыми.

После того как я попрощалась с плачущей матерью, мы с моей новой хозяйкой сели в экипаж и поехали в дом, где она жила с мистером Эмвеллом, своим мужем. Сперва меня определили в судомойки, так что миссис Эмвелл представила меня Салли, кухарке и кухонной прислуге.

Следующие несколько недель Салли в выражениях не стеснялась: поверить ей, так я ни кастрюлю толком отскрести не умела, ни глазки из картошки вырезать, чтобы не попортить клубень. Когда она показывала мне «как надо», я не жаловалась, потому что мне нравилось у Эмвеллов. Мне отвели отдельную комнату на чердаке, это было больше, чем я могла ожидать по рассказам матери, и оттуда я видела увлекательную, вечно оживленную уличную жизнь: проносящиеся мимо портшезы, носильщики с огромными коробками, в которых скрывались какие-то неведомые товары, приходы и уходы юной пары, у которой, как я сочла, только начался роман.

В конце концов Салли притерпелась к моим способностям и стала позволять мне помогать с готовкой. Это казалось небольшим продвижением наверх, точно как сказала мать, и я исполнилась надежды; однажды я надеялась тоже трудиться на блистательных улицах Лондона, добиваясь чего-то большего, чем картошка и кастрюли.

Как-то утром, когда я тщательно раскладывала на блюде сухие травы, вниз прибежала горничная. Миссис Эмвелл требовала меня в гостиную. Я застыла от ужаса. Я была уверена, что натворила что-то, и, медленно поднимаясь по лестнице, едва могла двигаться от страха. Я и двух месяцев не пробыла у Эмвеллов; мать ужаснется, если меня так быстро рассчитают.

Но когда я вошла в бледно-голубую гостиную госпожи, она закрыла за мной дверь, только лишь улыбнулась и пригласила сесть рядом с ней за письменный стол. Потом открыла книгу и положила рядом чистый лист бумаги, перо и чернильницу. Указала на несколько слов в книге и попросила меня их выписать.

Я обращалась с пером неловко, крайне неловко, но придвинулась к странице и тщательно срисовала слова, со всем старанием. Миссис Эмвелл внимательно за мной наблюдала, пока я работала, сдвинув брови и опершись подбородком на руки. Когда я закончила с первыми словами, она выбрала еще несколько, и я почти сразу заметила, насколько лучше у меня теперь получается. Госпожа, должно быть, тоже это заметила, потому что одобрительно закивала.

Потом она отложила лист и взяла книгу. Спросила, понимаю ли я какие-то слова, и я покачала головой. Тогда она показала мне слова покороче – она, воз, лук – и объяснила, как из буквы получается звук и как слова, выстроенные на бумаге, могут передать мысль, рассказать историю.

Как чародейство, подумала я. Оно было всюду, стоило только присмотреться.

В тот день в гостиной у нас был первый урок. Первый из бесчисленных уроков, иногда дважды в день – потому что болезнь моей госпожи, которую я заметила в конторе по найму, ухудшилась. Руки у нее так дрожали, что она уже не могла сама писать письма, и ей нужна была для этого я.

Время шло, я работала в кухне все меньше и меньше, и миссис Эмвелл часто звала меня к себе в гостиную. Остальная домашняя прислуга приняла это

скверно, Салли – хуже всех. Но я из-за этого не тревожилась: моей госпожой была миссис Эмвелл, а не Салли, и разве могла я отказаться от конфет с ганашем, и лент, и уроков письма в гостиной у камина?

У меня ушло много месяцев, чтобы научиться читать и писать, и еще больше, чтобы выучиться говорить не как деревенская девчонка. Но миссис Эмвелл была чудесной учительницей: ласковая, с мягким голосом, она брала мою руку в свою, чтобы рисовать буквы, и смеялась со мной, когда перо срывалось. Вся тоска по дому исчезла; мне стыдно признаваться, но я не хотела больше видеть ферму, никогда. Я хотела остаться в Лондоне, в великолепной гостиной своей госпожи. Те долгие дни за письменным столом, когда меня тяготили только взгляды завистливых слуг, стали одними из лучших моих воспоминаний.

Потом что-то изменилось. Год назад, когда лицо у меня стало не такое округлое, а край корсажа сделался туговат, я не смогла больше этого не замечать: ощущение еще одного взгляда, нового, ощущения, что кто-то слишком пристально за мной наблюдает.

Мистер Эмвелл, муж моей госпожи. По причинам, которые я понимала очень смутно, он начал оказывать мне знаки внимания. И я была уверена, что госпожа это тоже уловила.

Время почти пришло. Боль в животе немного отступила; казалось, суета на кухне помогла. Я была благодарна, что так вышло, потому что исполнение того, чему научила меня Нелла, требовало осторожности и уравновешенности. Неуклюжесть, над которой можно было посмеяться в гостиной у госпожи, сегодня дорого бы мне обошлась.

Два яйца поменьше скворчали на сковородке. Жир брызнул мне на фартук, пока белые края яйца пузырились и закручивались. Я стояла тихо, сосредоточившись, потом переложила яйца на тарелку, когда края стали медового цвета, как раз как любила госпожа. Тарелку я накрыла салфеткой и отставила подальше. Потом несколько минут занималась подливкой, как предложила Нелла.

Когда подливка загустела, я поняла, что настало последнее мгновение, когда я могу предотвратить то, чего еще не сделала, выдернуть нитку, которую еще не вшили в ткань. Если я продолжу, то стану вроде тех людей в Тайберне, про

которых слышала на ярмарках в день казни: преступницей. При мысли об этом по коже у меня побежали мурашки, и я ненадолго задумалась, не солгать ли госпоже – не сказать ли, что яд в яйцах был слишком слабым.

Я покачала головой. Такая ложь будет трусостью, и мистер Эмвелл останется жив. План – который привела в действие миссис Эмвелл – сорвется из-за меня.

Я сегодня вообще не должна была заходить на кухню. На прошлой неделе Салли попросила у миссис Эмвелл несколько дней отпуска, чтобы навестить занедужившую мать. Госпожа с готовностью согласилась и после позвала меня в гостиную на урок. Только это был урок не чистописания и не составления писем; он был о тайной аптечной лавке. Госпожа велела мне оставить записку в бочонке ячменя сразу за дверью номера три по Малому переулку, в записке нужно было назвать день и время, когда я вернусь за лекарством – смертельным, разумеется.

Я не спросила госпожу, почему она хочет навредить мужу; предположила, что это из-за того, что случилось месяц назад, сразу после Нового года, когда госпожа уехала из дому и провела день в зимних садах возле Ламбета.

В тот день миссис Эмвелл попросила меня разобрать пачку писем, выдала мне несколько десятков, прежде чем отправиться в сады, но я не смогла исполнить назначенное из-за головной боли. Позже тем утром мистер Эмвелл наткнулся на меня, я была в слезах; давление за глазами стало почти невыносимым. Он настоял, чтобы я пошла к себе и поспала. Через несколько минут он предложил мне выпить то, что, как он сказал, поможет, и я втянула резкую, медового цвета жидкость так быстро, как только могла, хотя от нее у меня перехватило дыхание и я закашлялась. Она походила на бренди, которое госпожа иногда отпивала из бутылки, хотя я не могла постичь, как кто-то по своей воле станет такое пить.

Я переспала головную боль в тишине и уютном солнечном свете у себя в комнате. В конце концов я проснулась от запаха животного жира – сальной свечи – и прикосновения прохладной руки госпожи ко лбу. Боль ушла. Миссис Эмвелл спросила, сколько я проспала, и я честно ответила, что не знаю – легла я еще до полудня. Сейчас половина одиннадцатого вечера, сказала она мне, что означало, что проспала я почти двенадцать часов.

Миссис Эмвелл спросила, снилось ли мне что-нибудь. И хотя я покачала головой, на самом деле у меня всплыло смутное воспоминание, я была уверена, что это сон, который я видела пару часов назад. Я вспомнила мистера Эмвелла у себя в комнате под крышей; он снял толстую кошку с ее места у меня на кровати и вынес ее в коридор, потом закрыл дверь и подошел ко мне. Сел рядом, положил руку мне на живот, и мы стали разговаривать. Как я ни старалась, я не могла вспомнить, о чем мы говорили во сне. Потом он подвинул руку повыше, мимо моего пупка, и тут лакеи подняли шум внизу; пришли двое джентльменов, которым срочно нужно было переговорить с мистером Эмвеллом.

Я рассказала об этом госпоже, но сказала, что не знаю, во сне это было или на самом деле. Она так и осталась сидеть со мной, и лицо у нее было встревоженное. Она показала на пустой бокал из-под бренди, спросила, не мистер ли Эмвелл дал мне его. Я сказала да. Потом она склонилась ко мне, накрыла мою руку своей.

– Он раньше так делал?

Я покачала головой.

– Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит?

Я покачала головой. Ничего не болело.

Госпожа внимательно осмотрела стакан, подоткнула мне одеяло и пожелала доброй ночи.

Только когда она ушла, я услышала тихое мяуканье полосатой кошки под дверью. Она была в коридоре и просилась в комнату.

С яйцами покрупнее я обращалась так, будто они стеклянные. Это было непросто, я никогда так не задумывалась, с какой силой бить, когда прежде разбивала яйца. Сковородка все еще была раскалена, и желтки начали жариться почти сразу. Я боялась приблизиться, чтобы не вдохнуть испарения яда, так что с яичницей управлялась, далеко вытянув руку, и вскоре у меня заболело плечо, как бывало, когда я в деревне лазала по деревьям.

Когда яичница была готова, я переложила крупные яйца на вторую тарелку. Полила их подливкой, бросила четыре скорлупки в мусорное ведро, расправила фартук и – позаботившись о том, чтобы отравленные яйца стояли на правильной стороне подноса, – вышла из кухни.

Хозяин и госпожа уже сидели за столом и тихо беседовали о грядущем банкете.

– Мистер Бэтфорд говорит, будут представлены скульптуры, – сказала миссис Эмвелл. – Со всего мира.

Мистер Эмвелл в ответ крякнул и уставился на меня, едва я вошла в столовую.

– Ага, – пробурчал он. – Наконец-то.

– Прекрасные вещи, уверял он.

Госпожа потерла ключицу; там, где ее пальцы коснулись кожи, виднелось покраснение и припухлость. Госпожа выглядела встревоженной, хотя поднос с отравленными яйцами несла я, и из-за этого я почувствовала раздражение. Госпожа была слишком напугана, чтобы сходить за яйцами, а теперь, казалось, не могла унять нервы.

– Ммм-ммм, – сказал ей хозяин, не сводя с меня глаз. – Давай сюда. Поживее, девочка.

Подойдя к нему поближе со спины, я сняла его тарелку с правильной стороны подноса и осторожно поставила перед ним. А он тем временем завел руку мне за ноги и тихонько потянул тяжелую ткань моей юбки вверх. Провел рукой по внутренней стороне моего колена и выше, по бедру.

– Вот и славно, – сказал он, наконец убрав руку и взяв со стола вилку.

Нога у меня зудела там, где он до нее дотронулся, словно под кожей выступила невидимая сыпь. Я отошла от него и поставила вторую тарелку перед госпожой.

Она кивнула мне, ключица у нее по-прежнему горела. Глаза у госпожи были печальные и темные, тусклые, как бордовые розетки на обоях у нее за спиной.

Я заняла свое место у стены в столовой и стала ждать, неподвижно, как камень, что будет дальше.

8. Кэролайн. Наши дни, понедельник

Когда я в ту ночь проснулась, часы на тумбочке показывали три. Я застонала и отвернулась от тусклого красного света, но, когда я попыталась снова уснуть, у меня скрутило живот, и от этого беспокойного ощущения я взмокла и загорелась. Я отпихнула одеяло, вытерла пот с верхней губы и встала проверить термостат. Он был запрограммирован по Цельсию, а не по Фаренгейту, так что, возможно, я случайно выставила его накануне на слишком высокую температуру. Я едва тащила ноги по ковролину, остановилась, чтобы не потерять равновесие, и уперлась рукой в стену.

И внезапно к моему горлу подкатила тошнота.

Я рванулась в ванную, едва добежала до унитаза и выблевала все, что съела накануне. Раз, два, три, меня вырвало трижды, я чуть не осела на пол рядом с унитазом.

Когда мой желудок разжался и мне удалось отдышаться, я потянулась за полотенцем возле раковины. Моя рука сбила что-то маленькие и твердое. Флакон. Вернувшись в гостиницу, я вынула его из сумки и поставила возле раковины. Теперь, чтобы не разбить его, я уложила флакон в безопасное место, на дно своего чемодана, и вернулась в ванную почистить зубы.

Пищевое отравление в чужой стране, подумала я со стоном. Но потом прикрыла рот дрожащими мокрыми пальцами. Пищевое отравление или… что-то другое. Разве меня вчера пару раз не тошнило? Я почти ничего не ела, так что на плохую еду эту тошноту списать не могла.

Все это внезапно показалось мне чудовищной шуткой – если я и в самом деле беременна, то не так я себе это представляла. Я долго мечтала о моменте, когда мы с Джеймсом вместе узнаем новости: о счастливых слезах, поздравительном поцелуе, о том, как мы побежим покупать первую книжку для будущих

родителей. Вдвоем, вместе, отметим то, что у нас получилось. И вот она я, одна в гостиничной ванной, глубокой ночью, надеюсь, что у нас не получилось ничего. Я не хотела ребенка от Джеймса, не сейчас. Я хотела одного: ощутить тяжесть, неудобство и боль начинающихся месячных.

Я заварила себе ромашкового чая. Медленно прихлебывая его, полежала полчаса, дожидаясь, чтобы отпустила тошнота; сна не было ни в одном глазу. Я не могла заставить себя даже подумать о том, чтобы сделать тест на беременность. Подожду еще несколько дней. Я молилась, чтобы причина была в перелете и стрессе – возможно, месячные начнутся сегодня вечером или завтра.

Желудок понемногу успокаивался, но джетлаг не давал мне уснуть и расслабиться. Я вытянула руку на правую сторону кровати, где должен был бы быть Джеймс, и смяла в пальцах прохладную простыню. На мгновение мне пришлось признать правду: часть меня отчаянно по нему скучала.

Нет. Я отпустила простыню и легла на левый бок, отвернувшись от пустого места рядом. Я не позволю себе по нему скучать. Не сейчас.

Но помимо тайны Джеймса – как будто этого было мало – меня тяготило еще кое-что: пока я рассказала о неверности своего мужа только лучшей подруге, Роуз. Сейчас, лежа без сна посреди ночи, я думала, не позвонить ли родителям, не рассказать ли им обо всем. Но родители оплатили невозвратную бронь в гостинице, и мне не хватало духу сказать им, что в номер заселился только один из нас. Скажу им, когда вернусь, когда все хорошенько обдумаю – когда решу, какое будущее ожидает мой брак.

В конце концов я отчаялась уснуть, зажгла лампу на прикроватной тумбочке и сняла телефон с зарядки. Открыла приложение, занесла пальцы над клавиатурой – меня так и подмывало поискать лондонские достопримечательности. Но главные, вроде Вестминстера и Букингемского дворца, уже и так были внесены в мой блокнот, с часами работы и ценами билетов – но ничто из этого меня не привлекало. Я едва выдерживала то, что Джеймса не было рядом в просторном гостиничном номере; разве смогу я гулять по извилистым дорожкам Гайд-парка, не ощущая рядом с собой пустое место? Лучше уж вообще не ходить.

Вместо этого я зашла на сайт Британской библиотеки. Пока мы разговаривали с Гейнор в отделе карт, я заметила карточку с рекламой поиска по онлайн-базе. Сейчас, мучимая джетлагом и нездоровьем, я поглубже угнездилась в хлопковых простынях и решила немного порыться.

Тронув пальцем ссылку «Поиск по основному каталогу», я набрала два слова: «флакон», «медведь». Высветилось несколько результатов, из самых разных областей: недавняя статья в журнале по биомеханике; книга апокалиптических пророчеств XVII века; собрание бумаг начала XIX века из больницы Святого Фомы. Я щелкнула по третьему результату и дождалась, пока загрузится страница.

Появилось еще несколько подробностей, в основном даты создания документов – от 1815 до 1818-го, – и информация об их поступлении в библиотеку. На сайте говорилось, что они поступили из южного крыла больницы и относятся как к сотрудникам, так и к пациентам.

В верхней части списка была ссылка «Запросить документ». Я нажала на нее и вздохнула, ожидая, что потребуется зарегистрироваться в библиотеке и запросить его лично. Но, к моему удивлению, несколько страниц были оцифрованы для примера. В течение нескольких секунд они начали возникать на экране моего телефона.

С тех пор как я последний раз что-то вот так исследовала, прошло десять лет, и я не могла не ощутить внезапный прилив адреналина. Мысль о том, что Гейнор день за днем проводит в Британской библиотеке, с полным доступом к таким архивам, заставила меня почти корчиться от зависти.

Пока изображение загружалось, экран телефона осветился от входящего звонка. Номер был незнакомый, но определитель показал, что звонят из Миннеаполиса. Я нахмурилась, пытаясь вспомнить, есть ли у меня знакомые в Миннесоте. Покачала головой; наверное, какая-нибудь реклама. Я сбросила звонок, устроилась поудобнее на подушке и начала читать приведенные страницы документа.

Первые несколько не имели отношения к делу: имена служащих больницы, документ об аренде, подписанное завещание – возможно, пациент подписал его на смертном одре. Но на четвертой странице мой взгляд кое за что зацепился: за

слово «медве-жий».

То была оцифрованная короткая записка от руки, буквы местами шли неровно и выцвели:

22 октября 1816 года

Для мужчин – лабиринт. Я могла бы показать им все, что они захотели бы увидеть в Медвежьем переулке.

Убийце не надо было даже поднимать длинную, изящную руку. Ей не нужно было прикасаться к нему, чтобы он умер.

Есть другие, более ученые пути: флаконы и съестное.

Аптекарь была другом всем нам, женщинам, разливала по флаконам наши тайны: мужчины умирали из-за нас.

Только все пошло не так, как я хотела.

В этом не было ее вины. Даже моей не было.

Я возлагаю вину на своего мужа и его жажду того, что предназначалось не ему.

Записка не была подписана. У меня затряслись руки; в ней присутствовали слова «медвежий» и «флакон», что означало, что именно эта страница выпала на мой поисковый запрос. И написавшая эту записку, кем бы она ни была, явно хотела поделиться обременявшей ее тайной, пока лежала в больнице. Не могло ли это быть каким-то предсмертным признанием?

И как это понимать: «все, что они захотели бы увидеть в Медвежьем переулке»? Автор записки упоминала лабиринт, что позволяло предположить, что она знала, как по нему пройти. А если был лабиринт, казалось вполне логичным, что в конце его находилось что-то ценное – или тайное.

Я погрызла ноготь, совершенно не понимая, что значат эти странные слова.

Но больше всего меня поразило другое: упоминание об аптекаре. Автор писала, что аптекарь была «другом» и «готовила тайны». Если тайной было то, что умирали мужчины – и явно не случайной смертью, – казалось, что аптекарь была связующей нитью между этими смертями. Как серийный убийца. Меня зазнобило, и я натянула одеяло повыше.

Когда я перечитывала записку, на экране появилось уведомление о непрочитанном письме. Я не обратила на него внимания, вместо этого перешла в Google Maps и быстренько набрала «Медвежий переулок, Лондон», как значилось в начале записки.

Через мгновение появился единственный результат: Медвежий переулок в Лондоне действительно существовал. И я поверить не могла, он был неподалеку – совсем близко! – от моей гостиницы. Десять минут пешком, не больше. Но был ли это тот самый Медвежий переулок, что упоминался в записке? Наверняка за двести лет некоторые улицы поменяли названия.

На фотографии со спутника в Google Maps было видно, что окрестности Медвежьего переулка в Лондоне застроены массивными бетонными зданиями, а в перечне фирм на карте значились в основном инвестиционные банки и бухгалтерские конторы. Что означало, что, даже если это тот самый Медвежий переулок, я не найду там ничего, кроме толпы мужчин в костюмах. Толпы мужчин вроде Джеймса.

Я взглянула на свой чемодан, куда положила флакон. Гейнор согласилась со мной, что на боку у него выгравирован именно медведь. Может флакон быть как-то связан с Медвежьим переулком? Эта мысль была как наживка на крючке – вряд ли, но не то чтобы невозможно. Я не могла противиться притяжению тайны – притяжению «а что, если», чего-то неведомого.

Я посмотрела на часы: почти четыре. Как только взойдет солнце, прихвачу кофе и отправлюсь в Медвежий переулок.

Прежде чем отложить телефон, я заглянула в непрочитанные письма в почтовом ящике и ахнула: письмо было от Джеймса. Я начала читать и стиснула зубы.

«Пытался позвонить из аэропорта Миннеаполиса. Кэролайн, я не могу дышать. Половина моего сердца в Лондоне. Я должен с тобой увидеться. Собираюсь сесть на самолет до Хитроу. Я приземлюсь в девять по твоему времени. Какое-то время уйдет на паспортный контроль. Встретимся в гостинице часов в одиннадцать?»

Со звоном в ушах я перечитала письмо. Джеймс летит в Лондон. Даже не спросил, хочу ли я его видеть, не дал мне побыть одной и на расстоянии, а мне это было так нужно. Неопределившийся звонок несколько минут назад, наверное, был от него, он звонил из аэропорта, возможно, из автомата – скорее всего, понимал, что я не возьму трубку, если увижу его номер.

У меня затряслись руки; я как будто снова узнала, что у него роман на стороне. Я занесла палец над «Ответить», собираясь написать Джеймсу: «Нет, не смей приезжать». Но я его достаточно давно знала; стоит ему в чем-то отказать, он приложит вдвое больше усилий, чтобы этого добиться. К тому же он знал, где я остановилась, и, даже если я откажусь с ним встречаться, я не сомневалась, что он будет дожидаться в вестибюле столько, сколько потребуется. Не могла же я навеки запереться в номере.

Ни о каком сне теперь и думать было нечего. Если Джеймс собирался прибыть в одиннадцать, у меня оставалось всего несколько часов, не отягощенных его присутствием и отговорками. Несколько часов, пока можно не разбираться с нашим пошатнувшимся браком. Несколько часов, чтобы отправиться в Медвежий переулок.

Я встала с постели и принялась ходить перед окном, каждые несколько минут поглядывая на небо в отчаянном желании увидеть первые лучи солнца.

Я не могла дождаться рассвета.

9. Элайза. 5 февраля 1791 года

Когда прошла минута, потом вторая, а поведение мистера Эмвелла за завтраком не изменилось, смелость начала меня покидать. Я отчаянно хотела еще кружку

горячего валерьянового чая Неллы, от которого мне стало так спокойно в ее маленькой лавке с тайной комнатой.

Само по себе то, что я сделала, было не так страшно – разбила яйца и вылила их на скворчащую сковородку. Я не страшилась даже злых слов, которые мог бросить мне мистер Эмвелл, когда отравленные яйца станут бурлить у него в животе, даже того, как может изогнуться его окостеневшее тело, о чем рассказала Нелла, предупредив, что увидевшему такое всю жизнь могут сниться кошмары.

Пусть в чем-то я и была храброй, но не во всем. Боялась я его призрака, его необузданного духа после смерти. Его незримого движения сквозь стены, сквозь кожу.

Призраков я стала бояться недавно. Это началось несколько месяцев назад, когда Салли затащила меня в холодный темный погреб и рассказала о девушке по имени Джоанна.

С того дня я утратила смелость, поняв, что чародейство может испортиться и стать злым.

По рассказам Салли, Джоанна служила у Эмвеллов незадолго до того, как к ним пришла я. Она была всего на год или два старше меня и вдруг заболела – так заболела, что не могла выйти из комнаты. И пока она сидела взаперти, по коридорам шептались: что она вовсе не больна, а носит ребенка и скоро родит.

Салли сказала, что однажды холодным ноябрьским утром с Джоанной сидела одна из горничных, пока она весь день мучилась родами. Она тужилась и тужилась, но ни разу не закричала. Ребенок так и не вышел, а Джоанна уснула и больше не проснулась.

Комната под крышей, где я спала, – с ее заплетенными паутиной углами, из которых дуло, – была рядом с той, где умерли Джоанна и ее ребенок. После того как Салли мне об этом рассказала, я стала слышать ночами, как Джоанна плачет и кричит за стеной. Казалось, она зовет меня, выкрикивает мое имя. Временами я слышала что-то, похожее на шум воды, и удары, как будто ребенок у нее в животе пытался выйти наружу, стучась маленькими кулачками.

– А кто был отец? – спросила я Салли тогда в погребе.

Она сурово на меня посмотрела, словно я сама должна была бы знать.

В конце концов я набралась смелости и открыла миссис Эмвелл кое-что из того, что Салли рассказала мне о Джоанне, но моя госпожа уверяла, что ни одна девушка в доме не беременела и уж точно ни одна не умерла. Она пыталась втолковать мне, что Салли завидует моему положению в доме, а стучит мое собственное испуганное сердце, что все это не больше чем дурные сны.

Я не спорила с миссис Эмвелл. Но знала, что слышу ночами. Разве можно с чем-то спутать то, как тебя зовут по имени?

Теперь, пока я ждала в столовой, прислонившись к стене и глядя, как мистер Эмвелл поглощает яйца, все это меня тревожило – так тревожило, что мне пришлось прижать ладони к стене, чтобы удержать равновесие. Я не жалела о том, что сделала; просто надеялась, что отравленные яйца убьют мистера Эмвелла быстро, при свете дня, потому что не могла вынести мысль о том, что еще один голос станет звать меня сквозь стены. Я молилась, чтобы злой дух мистера Эмвелла не покинул его в этой самой комнате, а если и так, то чтобы не задержался в ней.

Я не понимала это чародейство. Не понимала, почему дух Джоанны все еще здесь, почему она меня преследует, и боялась, что вскоре дух мистера Эмвелла присоединится к ней в коридорах.

Да, в чем-то я была храброй, и яды меня не пугали. Но от безудержных рассерженных духов у меня подкашивались ноги.

Не доев второе яйцо, он схватился за горло.

– Бог ты мой, – выкрикнул он, – что в подливке? Я умираю от жажды.

Он осушил половину графина воды, пока я стояла у стены столовой, дожидаясь, чтобы можно было унести тарелки.

У госпожи округлились глаза. Она коснулась бледно-желтой ленты на шнуровке корсажа; мне показалось или у нее дрожала рука?

– Дорогой, ты хорошо себя чувствуешь? – спросила она.

– А что, похоже? – огрызнулся мистер Эмвелл. Он подергал нижнюю губу, которая опухла и покраснела. – У меня во рту все горит, ты что, перца положила?

Он промокнул каплю подливки, упавшую на подбородок, и салфетка выпала у него из руки на пол. Я видела, я так ясно видела: его ярость загустевала, становясь чем-то вроде страха.

– Нет, сэр, – ответила я. – Я ее сделала как всегда. Молоко уже почти скисло.

– Думаю, проклятое молоко уже скисло. – Он закашлялся и снова схватился за горло.

Госпожа поковыряла яичницу с подливкой на своей тарелке и осторожно положила кусочек в рот.

– Да будь оно проклято! – Он оттолкнул тарелку и встал, его стул упал на пол, задев чистейшие занавески в маргаритках. – Меня сейчас стошнит, девочка! Унеси это!

Я бросилась к столу и схватила тарелку, с радостью увидев, что он съел одно яйцо полностью, а второе наполовину. Нелла обещала, что хватит и одного.

Мистер Эмвелл поднялся по лестнице, его шаги эхом отдавались в столовой. Мы с госпожой молча посмотрели друг на друга, и, должна признаться, отчасти я была удивлена, что план вообще сработал. Я пошла на кухню, быстро вытерла тарелку и сунула ее в мутную мыльную воду.

В столовой госпожа так и сидела над тарелкой. Слава богу, госпожа казалась совершенно здоровой, но мистера Эмвелла так громко рвало наверху, что я задумалась, не убьет ли это его до того, как подействует сам яд. Я никогда не слышала таких позывов, таких стонов. Сколько это может продлиться? Нелла мне не сказала, а я не додумалась спросить.

Прошло два часа. Если бы миссис Эмвелл так и продолжала прятаться за письменным столом внизу, где мы вдвоем занимались письмами, которые вовсе не нужно было писать, будто ничего не происходило, это вызвало бы подозрения.

Все знали, что мистер Эмвелл много пьет и что много дней и ночей промучился, уткнувшись головой в ночной горшок. Но дело было в том, что он никогда так мучительно не стонал; сегодня все выглядело иначе, и, думаю, многие в доме это заметили. Мы с госпожой вместе поднялись его проведать, и, поняв, что муж лишился дара речи, госпожа велела послать за доктором.

Доктор тут же объявил, что состояние мистера Эмвелла опасно, заметив, что живот пациента раздулся и спазмирует так, как прежде ему не доводилось видеть. Доктор пытался объяснить это госпоже странными врачебными словами, которых я не понимала, но спазмы видели все, у мистера Эмвелла будто зверь бился в животе. Глаза его были налиты кровью, он не мог уследить взглядом даже за пламенем свечи.

Пока доктор и моя госпожа стояли и тихо разговаривали, мистер Эмвелл повернул голову с пустыми черными дырами вместо глаз и посмотрел прямо на меня, прямо мне в душу, и, клянусь, в это мгновение он знал. Я подавила крик и бросилась прочь из комнаты, как раз когда доктор прощупывал пах пациента, вызвав у него такой глубокий первобытный вой, что я побоялась, это дух мистера Эмвелла только что отлетел.

Только хриплое обрывистое дыхание – которое было слышно из коридора, где я стояла, вся дрожа, – говорило о том, что этого не произошло.

– Его мочевой пузырь готов лопнуть, – сказал доктор миссис Эмвелл, когда я выходила из комнаты. – Такое бывало прежде, вы говорите?

– Много раз, – ответила госпожа.

Это не было ложью, и все-таки она солгала. Я прислонилась к стене коридора, возле двери, в прохладной чернильной темноте, прислушиваясь к словам госпожи и задыханию ее умирающего мужа.

– Он подвержен пороку пьянства.

– Но такое вздутие живота нетипично…

Доктор умолк, и я представила, как он обдумывает этот странный случай и решает, не позвать ли констебля. Умирающий мужчина, его красавица-жена. Доктор заметил пустые бутылки из-под бурбона, которые мы разбросали внизу нарочно, чтобы его одурачить?

Я шагнула вперед, не в силах сдержать любопытство, и заглянула в приоткрытую дверь. Доктор скрестил руки, побарабанил пальцами и подавил зевоту. Я задумалась, не ждет ли его самого дома красавица-жена, у которой почти готов ужин. Доктор поколебался, потом сказал:

– Стоит послать за священником, миссис Эмвелл. Безотлагательно. Он не переживет эту ночь.

Госпожа прикрыла рот рукой.

– Господи, – выдохнула она с неподдельным изумлением.

По приказу госпожи я проводила доктора до двери. Потом, заперев парадную дверь, обернулась и увидела, что она стоит и ждет меня.

– Давай вместе посидим у огня, – прошептала она, и мы пошли туда, куда всегда уходили. Она накрыла наши ноги одеялом, достала блокнот и стала диктовать письмо к матери, в Норидж. – «Матушка, – начала она, – мой муж тяжело заболел…»

Я написала все, как она сказала, каждое слово, хоть и знала, что ни в одном из них нет правды. И даже когда письмо было закончено – я написала шесть страниц, потом восемь, она все повторяла и повторяла то, что уже говорила, – она продолжала говорить, а я – писать. Ни ей, ни мне не хотелось шевелиться; ни ей, ни мне не хотелось идти наверх. На часах была почти полночь. Дневной свет давно угас.

Но мы не могли сидеть так вечно, потому что внезапно я ощутила что-то странное: что-то липкое и мокрое у себя между ног. В ту же минуту по лестнице, прыгая через ступеньку, сбежала служанка с вытаращенными заплаканными

глазами.

– Миссис Эмвелл, – закричала она, – мне очень жаль, но он больше не дышит.

Миссис Эмвелл сбросила с колен одеяло и вскочила, я последовала за ней. Но, к моему ужасу, по теплому вогнутому следу, там, где я сидела, шла теперь алая полоса, яркая, как только что сорванное яблоко. Я ахнула; неужели смерть собиралась забрать и меня? Задышала, сильнее втягивая воздух, не желая, чтобы он меня покинул.

Миссис Эмвелл уже шла к лестнице, но я окликнула ее.

– Постойте, – взмолилась я, – п-пожалуйста, не оставляйте меня здесь одну.

Сомнений быть не могло: меня снова настигло какое-то ужасное чародейство. Дух мистера Эмвелла, возможно, и оставил его наверху, но, как Джоанна, не совсем ушел. Что еще могло исторгнуть у меня кровь в тот самый миг, когда он умер?

Я осела на пол, на колени, по лицу у меня лились крупные слезы.

– Не оставляйте меня, – снова взмолилась я.

Госпожа странно на меня посмотрела, потому что оставляла меня одну в комнате уже сотни раз, но я чувствовала, как истекаю влажным теплом каждую секунду. Не поднимаясь с пола, я указала на диван, где мы сидели, а вокруг нас плясали тени от свечей, подходя все ближе, дразня меня, и в каждой скрывался мистер Эмвелл.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Southwark (англ.) – один из 32 лондонских районов, расположенный на южном берегу Темзы.

2

Аптекарские меры веса.

Купить: https://tellnovel.com/penner_sara/taynaya-lavka-yadov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити